

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ДОРОГА
К ЗВЕЗДНОМУ ПРЕСТОЛУ

ЭКСМО

Миры Доставки

Юрий Иванович

Дорога к Звездному Престолу

«ЭКСМО»

2014

Иванович Ю.

Дорога к Звездному Престолу / Ю. Иванович — «Эксмо»,
2014 — (Миры Доставки)

Говорят, что самые знаменитые воины XXXV века тоже когда-то были безусыми и не слишком искушенными в боевых науках курсантами. И легендарный Тантоитан Парадорский – не исключение. Курсант одного из лучших училищ космического десанта великой Оилтонской империи, всегда готовый встать на защиту справедливости, оказался бессилён перед чарами... самой принцессы Патрисии! Вот только дорога к Звездному Престолу не выстлана коврами дорожками, и за свою любовь Тантоитану ещё придется побороться...

© Иванович Ю., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	42
Глава 6	46
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юрий Иванович

Дорога к Звездному Престолу

© Иванович Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

3588 год, начало мая, Пиклия

Старо как мир, но и по сей день правда: когда смерть раскидывает свой саван над умирающим человеком, проводить его в последний путь собираются все родные и близкие. А проводить лидера или всеми уважаемого человека стремятся еще и многочисленные сторонники, последователи или восхищенные поклонники. И чем более знаменит умирающий, чем большими рычагами власти он обладал, тем большее количество людей спешит к его ложу для последнего прощания.

Однако в этой огромной толпе уже нет того родственного единства, которое объединяет в горестный час воистину близких людей. Чем больше желающих «проститься», тем больше среди них затесывается злопыхателей, недоброжелателей, а то и откровенных врагов. А уж когда умирают высшие правители – короли, императоры, вокруг них не протолкнуться не только от всех этих видов разумных существ, но и просто от равнодушных, любопытствующих или выжидающих...

В последний час жизни Анны Четвертой, вдовствующей королевы из династии Пелдорно планеты Пиклия, центральный дворец напоминал растревоженный муравейник. Такого скопления народа в этом величественном здании не случилось уже много лет, с тех пор как умер король, супруг женщины, ныне стоящей у власти. Правда, тогда особого ажиотажа не случилось: полная сил и отваги королева уверенно перехватила из рук умирающего супруга скипетр власти и продолжила умело и мудро править крепким, по галактическим стандартам, многопланетным государством.

Сегодня же, напротив, изменения ожидалось немалые: после смерти престарелой владычицы готовился возложить корону на свою голову ее старший сын Бу Ругар Пелдорно. Следующим претендентом на наследование по закону считался Сте Фаддин, младший сын умирающей королевы. Знаменитый красавчик и покоритель дамских сердец, свою молодость он провел так бурно и скандально, что лет десять о нем очень много и с особым придыханием писали почти все средства массовой информации Галактики. Но в тридцатилетнем возрасте Сте Фаддина совершенно неожиданно для всех окрутила одна из наследниц захудалого баронства, хиреющего на противоположном краю Галактики. Принц сдался без борьбы и пошел под венец, не спросив на то благословения родителей. Может, по этой причине, а может, и по другой, но король Пиклии, как и его супруга, не признали этот брак, вдребезги рассорились с сыном и прекратили с ним любые отношения. Ну а сыну та ссора – как слону дробина: подхватил молодую женушку, да и смотался на край света и там мирно и счастливо жил уже четырнадцать лет. Ни на похороны отца не прибыл, ни на приглашение проститься с матерью не откликнулся.

Так что Бу Ругар Пелдорно прямо сегодня рассчитывал услышать в свой адрес обращение «ваше величество».

В свои пятьдесят три года старший наследник заработал репутацию бабника, пьяницы и жуткого скандалиста. Причем скандалиста, очень истосковавшегося по полной, безраздельной власти. Огромный, косматый, напоминающий только что вылезшего из берлоги медведя, Бу Ругар стоял посреди громадного тронного зала и с ехидной улыбкой пропускал мимо себя цепочку высших сановников, потомственных дворян и прочих сильных мира сего, со скорбными лицами приближавшихся к будущему монарху, чтобы выразить искренние соболезнования. Хотя искренностью и соболезнованием здесь и не пахло. Каждый стремился лишь благолепно приложиться к подаваемой с нагловатым высокомерием длани и двумя-тремя словами напомнить о себе, а потом, если взгляд маленьких глазок наследника на некоторое время

задерживался на госте, хоть одним предложением сказать о своей поддержке – моральной или финансовой.

Некоторых из этой очереди Бу Ругар Пелдорно привечал с особой сердечностью. Иначе никак: акулы бизнеса и монополисты промышленности при любой власти чувствовали себя превосходно. Да и в других слоях общества всегда отыщется сотня-другая знаменитых людей, вниманием которых не побрезгует даже правящий король такой крупной звездной системы, как Пиклийская. Конечно, во власти Бу Ругара окажется не империя, как, к примеру, та же Оилтонская или прославленная система Датарга, или, на худой конец, зажиточная система Блеска, но и не самое захудалое королевство в огромной Галактике. И в нем, как и везде, имелись свои гениальные ученые, непревзойденные живописцы, прославленные мастера кинематографии и литературы, артисты, законодатели мод и известные в звездном мире уникальные спортсмены. Так что правителю было кому оказать свое высокое внимание и покровительство. Как и было с кем из знаменитостей перекинуться парочкой благосклонных слов.

Несмотря на это, Бу Ругар Пелдорно с каждой минутой мрачнел и злился все больше и больше. Он заметил: большая часть прибывших не спешит к нему с соболезнованиями. Люди собирались группками по интересам, сновали вокруг броуновским движением и довольно часто приближались к противоположной стороне зала, где в окружении своих единомышленников стоял второй, «гипотетический» наследник королевского титула, средний сын умирающей владычицы Моус Пелдорно. Правда, его наследственные права вызывали серьезнейшие сомнения и оспаривались почти всеми специалистами по родословному праву. Потому что сорокавосемилетний Моус считался сыном вне брака: давно умерший король официально отказался от него как от преемника и лишил всех наследственных прав еще сорок семь лет назад. Именно тогда, после крупного скандала, и было доказано, что ныне умирающая королева согрешила в очередной своей развлекательной поездке на известную курортную планету не с кем-нибудь, а с самим императором Оилтонской империи, каковой считался одной из самых крупных, одиозных и могущественных фигур в Галактике. Мало того, тогдашний император признал Моуса своим сыном и даже предложил прибыть к нему на Оилтон на постоянное место жительства.

Вот тогда и проявилась сила духа и железная воля молодой королевы. Она так прижала своего «рогатого» мужа и сумела настоять на своих правах свободной женщины, что рожденный вне брака сын стал жить и воспитываться в семье как законнорожденный. По крайней мере, все детство и первые годы отрочества.

Со временем, конечно, приоритеты поменялись. Понимая, что ему ничего не светит в столице, Моус с ранней молодости много путешествовал, ввязывался в разные авантюры, воевал наемником, изучал военное дело и политику, штудировал немало разных наук и физически совершенствовал собственное тело. Ни политическая, ни общественная жизнь Пиклии его, казалось, не интересовали, да и сам он не интересовал высшую знать. На долгое время о нем забыли, а при его редких появлениях при дворе королевы-матери удивлялись: «Как?! Этот бастард еще жив?»

Вот и сейчас неожиданно для всех, особенно же – для своего старшего единоутробного брата, Моус вдруг появился в столице. И, как выяснилось, сторонников и просто знакомых у него оказалось едва ли не больше, чем у будущего монарха Бу Ругара. Следя за ним с все возрастающим раздражением, старший наследник удерживал себя от вспышки гнева лишь с помощью злорадных мыслишек: «Ничего! Уже сегодня потребую от службы надзора, чтобы они немедленно выдворили этого придурка из системы! А еще лучше, пусть ему устроят несчастный случай с самыми печальными последствиями. Точно! Как это я раньше об этом не подумал! Он ведь только одним своим видом мутит воду и вводит честных подданных в искушение. Тоже мне – братик! Давно надо было похоронить да поминки отпраздновать. Годами от него ни слуху ни духу, а тут вдруг приперся, козлиная морда, «с матушкой попрощаться»! Кстати,

о чем это он с ней целый час шептался? Наверное, интересовался, как это его папочка сподобился нашу мамочку соблазнить! Ха-ха! Больше это чучело ни на что не годно, только на соби́рание сплетен о своей родословной!..»

Бу Ругар при этой мысли немного развеселился, даже заулыбался, настроение его явно улучшилось. Он представил себя в открытой карете, совершающим парадный выезд к народу после коронации, и в такой-то мечтательной прострации уставился на обрамляющие колонну золотистые листочки, очень напоминающие лавровый венок.

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент в зале появился сенешаль со скорбным видом в сопровождении нескольких лиц, которые считались самыми близкими к ее величеству королеве Анне Четвертой. Все присутствующие замерли в ожидании горестной новости и дружно повернули головы в сторону первого наследника. А тому для полноты картины только слюны на подбородке не хватало. Поэтому гневное восклицание Моуса в адрес старшего брата вынуждены были в душе признать верным даже искренние сторонники Бу Ругара.

– Полный дебил! – громко произнес Моус.

Кто-то из окружения подтолкнул задумавшегося о своем будущем величии старшего принца, и тот даже не успел сообразить, к кому и по какому поводу относится частично услышанное восклицание. Повернув голову, заметался взглядом по сторонам, увидел скорбную процессию опечаленных подданных, собравшихся произнести сакраментальную фразу, и, гордо распрямив плечи, устремился к центру зала. При его приближении престарелый сенешаль бухнулся на колени и хорошо поставленным голосом стал говорить:

– Королева умерла! Да здравствует...

– Пойдите! – повелительный и невероятно решительный голос заставил всех вздрогнуть, а старшего принца споткнуться на ровном месте. – Здесь произошло небольшое недоразумение, которое надо исправить немедленно!

В центр зала уверенной поступью вышел Моус Пелдорно, и то, что он сделал в следующее мгновение, сразу изменило привычный жизненный уклад как самой Пиклии, так и многих соседних звездных систем. Словно профессиональный актер звездного боевика, он ловко выхватил из подмышечной кобуры армейский пистолет и без колебания или сомнения произвел два выстрела в замершего перед ним старшего принца. Обе пули вошли точно в сердце, так что Бу Ругар рухнул лицом вниз, словно подрубленный дуб. Но и на этом кровавое действие не закончилось. Моус сделал два шага вперед и хладнокровно выстрелил в затылок уже явного трупа. Потом по-хозяйски передал пистолет подскочившему сбоку стороннику, пробежал взглядом по окаменевшей публике и деловым тоном обратился к сенешалю:

– Извините, князь, что пришлось вас перебить. Продолжайте!

Только сейчас по всему тронному залу пронесся громкий вздох удивления, осознания, возмущения и запоздалого ужаса. Во все времена пройти в зал с любым оружием было практически невозможно, а уж совершить подобное наглое убийство на глазах сливок пиклийского общества было и вовсе невыносимо. Тем не менее, убийство произошло, и теперь новый претендент на корону с показным смирением ждал, пока престарелый князь Вертинский избавится от внезапно появившейся в его гортани сухости.

Многие присутствующие успели заметить, что убийство не являлось ни спонтанным, ни совершенным в состоянии аффекта. По всему периметру зала, возле выходов на террасы и проходов в коридоры, маячили подтянутые фигуры бравых молодцев в ливреях. По внешним признакам они походили на обычных служащих дворца, но их каменные лица, словно вышедшие из-под резца одного мастера, сразу говорили, что на стороне узурпатора либо могущественные военные, либо силы тайной и явной полиции. Молодцы в ливреях вежливо, но решительно пресекли первые попытки некоторых паникеров покинуть высокое собрание. А двое из них ловко подхватили бездыханное тело несостоявшегося короля за лацканы пиджака и брючный

ремень и проворно унесли прочь. Кроме того, подавляющее большинство присутствующих в зале были заинтригованы и с интересом ждали продолжения действия, а некоторые успокаивали своих соседей: мол, самое страшное уже позади, и теперь все будет просто отлично.

Весь этот позитивный говорок наконец достиг ушей сенешаля, которому удалось отвести глаза от кровавого пятна на мраморном полу, прочистить горло, прокашлявшись и постучав себя ладонью по шее, и посмотреть на ожидающего исторической фразы Моуса. Причем князь Вергинский успел сообразить, что не слышно ни топота бегущей стражи, ни гневных выкриков из толпы, и никто не спешит растерзать убийцу собственными руками. А значит, по всем политическим реалиям, следующий по праву наследования принц все равно вступит в свои права. Поэтому сенешалю ничего больше не оставалось, как после скорбного вздоха произнести вторую половину сакраментальной фразы:

– ... да здравствует король!

Словно все ждали этой здравицы, чуть сбоку раздался голос графа Де Ло Кле:

– Виват, король, виват!!!

И ему дружно вторили голоса минимум половины присутствующих. А второй половине ничего не оставалось делать, как присоединиться к первой, причем многие сделали это с восторгом и упоением. Среди приветствующих нового короля был и граф Де Ло Кле, шеф внешней разведки, директор управления безопасности Пиклии, которого знали и уважали почти все. А раз граф лично поддерживает претендента на трон, то, скорее всего, это и в самом деле во благо королевству. Ну, а те единицы, что имели противоположное мнение, благоразумно затолкали свое мнение поглубже и теперь кричали «виват!» в унисон с остальными. Ссориться с Де Ло Кле побаивались даже акулы галактического бизнеса и воротилы крупного капитала.

Под эти приветственные крики Моус прошел к тронному возвышению, но поднялся только на две ступеньки из пяти: все-таки нарушать пятидневный траур и короноваться немедленно он не собирался. Но когда он повернулся к собравшимся подданным, стало понятно, что именно сейчас будет произнесена программная речь. Это устраивало всех, как сомневающийся, так и противников стремящегося к трону узурпатора. После подобной речи каждый мог окончательно определиться в своих планах и выработать верную линию поведения. А если успеет, то прямо здесь или немедленно после выхода из зала объединиться с союзниками для нанесения упреждающего удара или утаивания слабо защищенного капитала. Отдавать «нажитые непосильным трудом» средства, как и дворянские привилегии, в руки непредсказуемого человека никто не собирался. Понятно, что подобные мысли гнездились лишь в головах тех, кто не ожидал только что состоявшегося перераспределения очередности наследования. Те, кто к этому событию готовился, выглядели спокойными и уверенными в завтрашнем дне.

– Дамы и господа! – тоном главнокомандующего начал Моус. – Подданные королевства Пиклия! Сейчас мы все находимся на пороге новой эры. Эры нашего великого и заслуженного могущества. Следовало только устранить последнюю помеху, стоявшую у нас на пути, и я нисколько не жалею, что этого слюнявого недалёковидного идиота мне пришлось убирать лично. Мало того, этим поступком я хочу показать всему миру нежелание решать проблемы чужими руками. Я намерен доказать свою решимость идти к окончательной победе справедливости кратчайшей – прямой – дорогой.

В тронном зале висела заинтересованная тишина. Казалось бы, что может говорить о справедливости человек, только что хладнокровно застреливший законного претендента на трон? Но Моуса слушали и ждали основных слов его речи.

– Почему Пиклию презирают и ненавидят во всем остальном мире? Почему светло-изумрудный цвет нашей кожи вызывает неприятие в иных процветающих мирах? Доколе мы будем

терпеть расистское отношение к нам иных обитателей Галактики? Хватит! Нашей вины в особом сиянии нашей звезды нет! Мы такие же люди, как и все остальные обитатели космоса! И настал час уничтожить историческую несправедливость. Мы должны доказать наше равенство, мы должны заставить уважать наши чаяния, мы должны добиться свободы перемещения во всей Галактике!

Подобная оголтелая пропаганда могла обмануть лишь простых обывателей. Те же, кто стоял у кормила власти, знали, что во всей Галактике никто никого не обижал за иной оттенок кожи. Но ведь очень важно отыскать веские причины, а точнее – поводы для крупных перемен в политике перед их оглашением.

Будущий диктатор скорбно вздохнул и несколько раз кивнул головой:

– Моя мать пятьдесят лет назад попыталась изменить неблагоприятный для Пиклии ход событий. Договорившись с тогдашним императором Оилтона, они решили дать миру единого наследника обоих престолов. Но ранняя смерть императора помешала этим планам, и при всем своем величии Анна Четвертая не могла потянуть взваленное на себя бремя единения самостоятельно. В последние годы в принадлежащей мне по праву империи правит уже мой племянник, который целенаправленно замалчивает великие задумки и инициативы собственного деда, поддерживает политику, ведущую к отторжению Пиклии от общения с Союзом Разума и к вынужденной конфронтации со всей Галактикой в целом.

Здесь в речи Моуса содержалась явная инсинуация. Во все века Оилтонская империя сдерживала агрессивных и злобных пиклийцев от попыток заняться откровенным пиратством в открытом космосе. Так что правда крылась не в надуманном расизме. В Галактике каких только разновидностей человеческих тел и цветов кожи не встречалось, и никто особо этими отличиями не интересовался. Но, как говорится, ищущий да обрящет. Найти ложную, зато более «уважительную» причину для ненависти гораздо проще, чем исправить укоренившийся веками перекося общественное сознание. А в данном случае некоторые исторические совпадения могли хорошо послужить подъему снизившегося в последние годы авантюрно-агрессивного настроения основной части подданных. Пиклия начинала погрязать в собственных сварах, внутренних противоречиях, тонуть в призывах некоторых прогрессивно настроенных деятелей к подписанию разумного договора с Союзом Разума и налаживанию взаимовыгодных контрактов с Доставкой. А завязнуть в долгах у самого мощного экономического конгломерата Галактики не хотел ни один независимый правитель.

Так недолго и до революции! А там – и до следующего шага к пропасти: уходу в социалистическую ересь и полную национализацию передовых предприятий, банков и принадлежащей дворянскому сословию недвижимости. Чтобы этого не случилось, требовалась сильная рука.

Понятно, что объединение нации перед лицом нового врага или постановка более величественных задач на будущее значительно консолидирует общество, сплотит противоборствующие группировки в сплошной монолит и заставит двигаться в едином направлении. И плевать на то, что там думала пятьдесят лет назад ныне покойная королева Анна. По логике вещей, она вообще ничего не думала, а как молодая и здоровая самка шла на поводу собственных блудных желаний. Скорее всего, сейчас сливкам общества преподносится тщательно и красиво распланированная партитура ролей, по которой давно усопший император якобы завещал объединить под единым управлением такой разбойничий сброд, как пиклийцы, и такой лакомый кусок для любого пришлого агрессора, как Оилтонская империя.

Красиво, заманчиво и торжественно. Народ просто обязан клонуть!

Похоже, именно на это и надеялся Моус. А тем, кто собрался в тронном зале, он со знанием дела предложил более приземленные варианты обогащения.

– Наши враги хотели войны – так они ее получают, – продолжил он. – Отныне все усилия нашей системы будут направлены только на одно: присоединение под наш протекторат Оилтонской империи. И мы добьемся поставленных перед нами задач любыми средствами!

Вот эти фразы и являлись самой главной и вполне конкретной программой нового короля. Монарх сделает все, чтобы поставить вверенных ему обитателей системы под ружье и, невзирая на потери, будет воевать с Оилтоном до победного конца. А в таком случае в первую очередь и наживутся те самые воротилы, бизнесмены и знатные дворяне. Перевод промышленности на военные рельсы оживит экономику, подстегнет науку, улучшит эксплуатацию открытого космоса. Все блага – налицо!

Главное было сказано. Разве что напоследок новоявленный диктатор бросил с пафосом несколько здравниц в честь королевства в целом, великой и непобедимой Пиклии, в частности, и ее пламенных патриотов, которые не пощадят жизни для блага отечества.

После первого хлопка графа Де Ло Кле все присутствующие разразились овациями и новыми криками «виват!». Оно и понятно: гибнуть в безмолвной черноте глубокого космоса придется не им. Вернее, и им тоже. Да вот только находясь в этом тронном зале, на пороге, так сказать, исторических перемен, разве может кто-то не думать о бренности суетной жизни и о собственной смертности? Увы!.. Совсем свежий пример – внезапная смерть Бу Ругара Пелдорно – многому научил сограждан.

Вот так, в конце весны три тысячи пятьсот восемьдесят восьмого года по единому галактическому и земному летосчислению на престол королевства Пиклия взошел кровожадный и циничный диктатор Моус Пелдорно. До первого крупномасштабного вторжения в Оилтонскую империю оставалось чуть больше трех лет.

Глава 1

3588 год, ночь с 9 на 10 мая, Китланд

Покрытая темными пятнами луна выглянула из-за туч, и административное здание интерната, построенное из белого мрамора, стало похожим на фосфоресцирующий в темноте монолит. Две передвигающиеся по крыше фигуры присели, а потом и вообще распластались за невысоким бортиком ограждения.

– Чтоб тебя ржавчина съела! – забасил недовольным шепотом высокий юноша довольно крупного телосложения, раздраженно высматривая на небе очередную тучку. – Как не вовремя!..

– Не паникуй, времени у нас хватает, – отозвался его более низкий и шуплый товарищ. Затем он осторожно приподнял голову, посмотрел вверх ограждения в сторону помещения со сторожами и произнес: – Ха! Да эти охраннички, кроме как в карты играть, ничему не научены. Хоть бы кто-нибудь поверху ворот прохаживался!

– Оно им ни к чему, надеются на детекторы движения по периметру.

– Вот им завтра влетит за ротозейство! Ни подкопа не заметили, ни самого взлома!

– Танти, так ведь пока никакого взлома нет.

– Будет, Гарри, будет взлом, – в голосе товарища прозвучала ирония. – Или ты сомневалась в наших возможностях?

Тот громко засопел, а потом пробормотал:

– Тебе-то что! Если нас поймают, всех собак на меня как на старшего повесят, и тогда прощай поступление. А о тебе через год забудут – и свободно пробьешься куда вздумаешь.

– Тоже мне лучший друг! Да ты никак трусишь?

– А по голове давно не получал? – высокомерно пригрозил Гарри.

– Справишься? – стал ехидничать Танти.

– Вот так, лежа, сейчас и заеду в ухо!

– Ага! И сразу свалишься с крыши! Оно тебе надо? – В этот момент на ярко сияющую луну стало напозать очередное облачко. – О! Кончай травить! Бежим к люку!

Вскоре четыре руки, облаченные в тонкие прочнейшие перчатки для скалолазания, крепко ухватились за выступающий край обитого жостью люка и на счет «три» дернули его кверху. Потом еще несколько раз, потом еще. Безрезультатность попыток вызвала у Гарольда опасения и заставила думать об отступлении:

– Эх, ничего у нас не получится! Лом бы сюда...

– Если бы я мог пронести сюда лом, я бы и без тебя справился! – зло зашипел на него товарищ. – Или тебе на ужин две порции мало? Бессилие заедает?

– Киборга нашел? Там ведь внизу замок навешен.

– Ну и что? Зато нижняя скоба в стене еле держится. И при чем тут киборг, если у тебя кличка Амбал и слава силача?

– Признаешь все-таки?

– Да нет, просто больше всех этот слух распространяю о тебе я, чтобы самому пока в тени оставаться.

– Ах ты...

– Гарри! Прекращай тянуть время! Взались!

Через десяток рывков крышка и в самом деле поддалась, а снизу послышался грохот и стук осыпающейся штукатурки и мелкого гравия. Парни резко поставили крышку обратно, пережидая шум и с опаской посматривая в сторону помещения с охраной. Там все оставалось по-прежнему, и злоумышленники вернулись к прерванному занятию. Танти размотал большой

кусок тонкой ткани и бросил вниз на тускло освещенный аварийными лампами пол. Просыпавшаяся штукатурка теперь была закрыта тканью, и поделщики надеялись, что не оставят следов подошв.

– А как мы заберемся обратно? – только сейчас Гарольд сообразил, что до оставшегося открытым створа люка довольно высоко. Но его товарищ уже двигался по коридору, бросая через плечо:

– Элементарно! Ты меня подбросишь вверх или вытолкнешь жимом на вытянутых руках.

– Да? А меня кто вытолкнет?

– Странный вопрос, – Танти остановился и теперь внимательно осматривал длинный широкий коридор, окна которого выходили во внутренний двор. Голос его подрагивал от готового вырваться смеха. – Ты ведь заранее смирился с участью козла отпущения. Поэтому так и останешься внизу...

– Убью! Как таракана! – кулачище Амбала ткнулось под ребра его более тщедушного товарища. Хотя в беззлобном тоне сквозило понимание шутки.

– М-да, не думал, что здесь так светло, – Танти совсем не обратил внимания на угрозу друга и теперь показывал на пространство под окнами. – Придется там проскочить на четвереньках.

– На всю длину? Так ведь нет никого! Спят давно!

– Ты забыл, что сейчас весна и поют соловьи? – шептал Танти, уже передвигаясь на четвереньках вдоль подоконников и нисколько не сомневаясь, что товарищ следует его примеру. – А у нас две молодые учительницы имеют ухажеров и, словно лунатички, гуляют с ними по окрестностям. Вдруг их потянет целоваться во внутреннем саду? Тихо, уютно, никто не мешает...

– Да, – замычал Гарри от вождения. – Таких училок я бы и сам не против в саду потискать...

– Это в тебе гормоны играют.

– Ха! Сам-то как на них смотришь? Прямо слюна на живот капает! Да и не только на живот, но и ниже...

– Смотреть можно, а вот тискать... Мне нельзя, я еще маленький...

– Ханжа! Как засматриваться на сиськи, воровать и поступать в училище, так он большой...

Друзья доползли до развилки коридора, осторожно осмотрелись и, уже во весь рост, устремились к кабинету инспектора по кадрам. Там они опять замерли, прислушиваясь к каждому шуму.

– А ты уверен, что сигнализация не сработает? – волновался Гарри.

– Не бойсь! Тут ее отродясь не было. Давай, будешь главным тараном, становись ближе к замку и держись за ручку. Не хватало, чтобы мы туда оба ввалились, как тупые желуди. Начинаем вполсилы, замок хлипенький.

– Во как раскомандовался! Что бы ты без меня делал?..

Довольно улыбаясь, Амбал пристроился плечищем к двери и двинул без отступа, просто качнув телом. Вся рама затряслась, из-под наличников посыпалась штукатурка, но замок выдержал. Зато после второго удара послышался хруст металла и скрип расщепленного дерева, и дверь, цепляясь из-за перекоса за пол, подалась. Танти тенью метнулся мимо товарища и быстро опустил светонепроницаемые шторы. После чего, вернувшись к входу, зажег свет и попытался закрыть дверь. Это оказалось делом невозможным.

– М-да, придется менять полностью, – расстроился из-за чрезмерной порчи имущества Танти. – Лом меньше разрушений сделал бы, чем ты своим плечом.

– Ты определись, что тебе дороже: друг или кусок железа, – обиделся Гарольд, окидывая взглядом по-деловому обставленный кабинет, единственным осмысленно тематическим укра-

шением которого выглядела внушительная коллекция миниатюрных моделей бронетехники. Рассматривая ее, здоровяк опять засомневался: – Может, не будем такую красоту трогать?

Его друг к тому времени отыскал во встроенном шкафу какой-то заплечный мешок и, пробегая мимо, сунул его в руки застывшего товарища:

– Пошевеливайся! Собери все модели до единой. Разве что эту возьму я, – он схватил ближайшую и сунул в карман. И, уже усаживаясь за письменный стол и включая голографическую панель управления компьютером, пробормотал: – Ничего не случится, отыщут, когда надо будет. А если ничего для отвода глаз не украсть, слишком уж подозрительно получится. Могут все файлы проверить и поинтересоваться последними изменениями.

– Но ведь Заяц обещал полную скрытность твоего трояна!

– И что с того, что обещал? Лишний раз перестраховаться никогда не помешает. Не отвлекай!..

Его руки быстро замелькали в пространстве, совершая невидимые для постороннего взгляда действия. Гарольд тяжело вздохнул, воровато оглянулся на дверь и стал поспешно сгребать модели в мешок. Но постепенно и сам не заметил, как увлекся. Присмотрелся вначале к одной, потом, более тщательно, к другой миниатюрной копии. Затем стал пробовать, насколько легко крутятся колеса у третьей, и вращается ли башня с орудиями у четвертой. Да так в итоге и заигрался уже до такой степени, что его губы сами по себе вытягивались трубочкой и непроизвольно производили звук, изображающий гудение мотора. И поэтому он вздрогнул, когда со стороны стола послышалось возмущенное шипение:

– Гарри! Зачем тебе стезя космодесантника? По тебе плачет работа воспитателя детского садика! Я уже заканчиваю, а ты!..

Оставшиеся модельки посыпались в мешок водопадом и без всякой жалости. Подначки товарища здесь большого значения не имели, гораздо больше злоумышленники волновались о потере времени. Чем быстрее они выберутся из здания, тем скорее вернуться в свою комнату и максимально уменьшат шансы разоблачения.

Обратный путь к люку проделали в отличном темпе, и Танти, первым вставший на ткань, сложил руки в замок:

– Давай, пошел! Только мешок оставь, зацепишься.

Гарольд положил мешок у ног и скривился с сочувствием:

– А вытолкнешь? Ведь высоко.

– Время!

После такого напоминания все споры иссякли. Амбал отступил на несколько шагов, разогнался, сколько позволяла ситуация, и в прыжке вверх вскочил на руки товарища, отталкиваясь от них. Тот еще и с немалой силой подбросил парня, превосходящего его по весу в полтора раза. Получилось с первой попытки. Как только Гарри ухватился за створ люка и стал подтягиваться, Танти разматал закрученный вокруг пояса плоский линь и зацепил им лямки мешка. Второй конец метнул вверх, в протянутую руку Гарри. Пока мешок поднимался и пока повторно опускался линь, он схватил левой рукой уголок лежащей под ногами ткани, затем намотал линь на правую руку с подстраховкой на локоть, прошептал пыхтящему от нетерпения товарищу: «Тяни!» – и почти рывком взмыл к квадрату ночного неба.

Наверху опять светила луна, так что, пока сворачивали ткань и закрывали крышку люка, пришлось осматриваться, а потом еще и ползти к самому бортику крыши. Мало ли кто мог появиться за это время в окрестностях! И хорошо, что не встали сразу во весь рост: по мостику над воротами прохаживался один из охранников и, хотя посматривал он в основном в сторону города, мог бы краем глаза заметить торчащие на фоне светлой крыши две фигуры ночных искателей приключений. Зато, пока он стоял спиной, приятели успели выглянуть за парапет и осмотреть двор: иные преграды отсутствовали.

Луна, словно назло, не хотела прятаться за тучками, поэтому к заготовленному месту спуска пришлось тоже ползти по-пластунски.

– Днем спокойно поест не дадут из-за тренировок, – шепотом ворчал Гарольд, – так еще и ночью приходится марш-броски устраивать...

– Вот поступим в училище – то ли еще будет! – тоном пророка вещал Танти, выглядывая на пожарную лестницу и тщательно рассматривая внутренние территории интерната. – Чисто! Двигаем!

И первым скатился по ступенькам вниз, мягко спрыгнул с трехметровой высоты на землю и, пригнувшись, бросился направо, к участку двойной ограды. Тогда как Гарольд после спуска помчался к жилому корпусу, прятать на чердаке совершенно не нужные миниатюрные модели бронетехники всех времен и народов.

Последние метры Танти преодолевал опять ползком, зажав в руке захваченную модель танка пустыни производства Доставки. Еще с вечера, как только стемнело, они сделали подкоп под внутренним ограждением из колючей проволоки, а следующий за ним каменный забор в три метра высотой полностью проигнорировали. Ведь им была важна только видимость ограбления. Пусть следствие уйдет в другую сторону и само гадают, каким образом воры сумели незаметно для охраны перемахнуть через забор и узнать о сенсорах движения на этом отрезке проволочного ограждения.

Одиночный экземпляр собирательской страсти инспектора по кадрам, вынутый из кармана и брошенный уверенной рукой, попал точно в яму подкопа, и теперь никто не вздумает искать пропажу на территории интерната. А сам инициатор всего этого ночного происшествия с самодовольной улыбкой устремился за своим лучшим товарищем. Вылазка прошла даже проще, чем он рассчитывал, и теперь шансы на осуществление в ближайшем будущем его главной мечты увеличивались с каждой минутой.

Только вот правильно гласит народная пословица: «Не спеши радоваться, что удачно падаешь, пока удачно не встанешь после падения». Как только Танти достиг декоративного кустарника, красивыми зигзагами высаженного вдоль дорожек прогулочной зоны, как краем глаза заметил мелькнувший наверху наружного каменного забора силуэт неизвестного лазутчика. Хорошо, что наставники по боевым искусствам вбили ему в сознание, вместе со страшными болями, одну важнейшую истину: никогда не расслабляйся! И так вбивали, что порой казалось, убьют ненароком от педагогического усердия. Об этом этапе обучения можно было бы сложить вышибающие слезы легенды, но в данный момент постоянная настороженность очень пригодилась.

Юноша тотчас припал к земле и, извиваясь ужом, пополз к подозрительному участку внешней ограды. Это никак не мог быть кто-то из своих: детдомовец не пойдет в самоволку или обратно подобным образом, к тому же на этом участке стены непосредственно по верхней кромке имелись детекторы обнаружения движения. А раз до сих пор не раздались звуки сирены, значит, неизвестный нарушитель каким-то образом вывел приборы из строя. При современных технических новинках в арсеналах спецслужб совершить подобное действие не составляет ни малейшего труда. Заяц не раз хвастался, что и сам бы запросто собрал подобную глушилку или лазерный поглотитель, если бы у него под руками имелись все комплектующие. Только вот с какой это стати лучшие агенты опустятся до банального проникновения на территорию захудалого детдома-интерната с общим средним образованием? Слишком много чести! Но тогда возникает законный вопрос: кто это и что ему здесь надо?

Участок освещался довольно слабо, но все равно достаточно, чтобы рассмотреть копошащуюся фигуру странного лазутчика. Тот с невероятной сноровкой и завидным беззвучием делал подкоп под проволочным ограждением. Да оно и понятно: если внешние детекторы ему удалось заглушить направленным излучением, то сделать это внутри периметра мешал камен-

ный забор. Именно эта интенсивная деятельность незнакомца и позволила Тантоитану приблизиться почти вплотную и распластаться за кустиками пока еще не зацветших роз. Идеальное место не только для наблюдения и неожиданного нападения, но и для размышления!

Несмотря на только что совершенные им воровство, взлом, порчу имущества и подлог документов, Танти нисколько не сомневался, что в любом случае постарается задержать преступника, пробирающегося извне.

По логике вещей, ничего компрометирующего при нем самом не осталось: предметы коллекции уволок и спрятал в условленном месте Гарольд, ткань со следами штукатурки наверняка уже исчезла в топке котельной. Причину нахождения именно здесь в столь неурочный час придумать труда не составит: все-таки здесь не тюрьма общего режима, а обычное, можно сказать, учебное заведение, и за нарушение распорядка дня воспитатели могут только пожурить или, в крайнем случае, отправить на работы по кухне. Чем, кстати, многократно и без всякого зазрения совести пользовался дружок Гарольд, наедаясь на таких работах от пуза. Так что вполне простой ответ, вроде: «Гулял, не спалось», – в случае заварушки или скандала подходил вполне. Ну, а если в итоге вмешательства удастся еще и повязать таинственного злоумышленника, то прощение от администрации школы будет получено наверняка. В том, что перед ним именно злоумышленник, Танти не сомневался ни мгновения. Ведь не станет же делать подкоп на территорию интерната нагрянувший с проверкой ревизор, деятель санэпидстанции или налоговый инспектор! Хотя, если судить по некоторым анекдотам, пронырливые инспектора на все горазды: ради того, чтобы преподнести своим появлением сюрприз, готовы порой с парашютами десантироваться.

Между тем лазутчик уже полностью прокопал канавку под заграждением и вот-вот мог оказаться внутри периметра. А пятнадцатилетний юноша выбирал вариант действий. Самый простой: немедленно поднять тревогу. Благо, способов для этого имелось предостаточно. Но тогда, скорее всего, нарушитель территориальной целостности уйдет. Возможно, его и не заметят всполошившиеся охранники, и тогда доказывая, что тревога не была ложной.

Более сложный вариант: сразу произвести задержание лично. Мужчина выглядел однозначно взрослым, но для своего возраста и Танти не казался юнцом, он уже почти на равных сражался врукопашную со своими наставниками по боевым искусствам. Это только рядом с Гарольдом он выглядел как голодающий подросток возле перекачанного космодесантника. Но ведь Гарольд ростом достигал отметки в сто девяносто сантиметров, а о своей массе хвастался, что у него «центнер накаченных мышц и десяток килограммов тренированного знаниями мозга». На что в ответ самый близкий друг любил демонстративно пощупать кучерявую голову и с печалью выдохнуть: «Увы! Не знаниями, а стероидами...»

Третий вариант выглядел самым заманчивым и мог модулироваться в зависимости от ответа всего на один вопрос: «А что ему здесь надо?» До жути интересно, куда, как и к кому двинется ловкий нарушитель. Вдруг у него здесь имеются соучастники? Вдруг он попытается пронести внутрь нечто? Есть ли у него оружие? Может быть, это похититель детей? Вроде как за всю историю интерната здесь никого не украли и не пытались этого сделать. Скорее уж наоборот: старались засунуть сюда неофициальными путями своих отпрысков. Да и маленьких детей здесь не было, потому что обучение шло только по программе второй половины среднего образования. Все ученики имели возраст от десяти до пятнадцати, максимум до шестнадцати лет и на маленьких безобидных детишек ну никак не походили.

«Хотя, кто их знает, этих похитителей-извращенцев...» – успел подумать Танти, и в следующий момент все три варианта его рассуждений рассыпались, как песочный замок под брутальной поступью солдатского сапога. Завершив подкоп, нарушитель не стал им пользоваться, сдал назад, прилег в стороне и явно шепнул что-то в микрофон. Вслед за этим над кромкой забора стали скользить другие силуэты.

«Ржавчина им в глотки! – запричитал притаившийся за розами юноша. – Что же тут такое творится?! Ограбление века или захват в заложники всех обитателей интерната?! Глушилки, микрофоны, сообщники!.. Раз, два, три, четыре, пять... Итого – шесть! Вот я и влип: надо было сразу поднять тревогу! Но кто мог знать...»

Решение пришло молниеносно, тем более что медлить больше было нельзя:двигающийся впереди всех мужчина уже поднимался с внутренней стороны двора, а по подкопу ползло еще двое. Когда идущий в авангарде нарушитель в полуприседе повернул голову в сторону прикрытого углом административного здания ворот, Танти выкатился из-за кустов и смачно залепил ему каблуком в лоб. Тот, видимо, уже в бессознательном состоянии, улетел спиной вперед и напоролся на колючую проволоку. Тотчас сработали и детекторы массы, и дополнительное освещение, и звуковые сигналы. Что и требовалось. По логике вещей, нарушителям следовало немедленно покинуть место преступления и бежать сломя голову.

Тем более поразился Танти, когда на него из неудобного положения, еще практически не выбравшись из подкопа, бросился второй мужчина. Причем в правой руке у него угрожающе блеснул десантный нож. Тоже не проблема! Захват, рывок на себя, треск ломающейся кости – и отброшенное в сторону воющее от боли тело.

Но тут и третий отчаянный бандит стал приподниматься, вытаскивая из-под обшлага куртки и разворачивая в сторону Танти ствол короткого штурмового автомата. Только и удалось успеть схватить почти за мушку прицела, потянуть на себя и закрутиться во вращении. Звук автоматной очереди заглушил сигналы сирены и слышащиеся от забора злобные короткие команды:

– Засада! Назад, все уходим!

Тотчас от забора открыли огонь сразу из двух автоматических стволов. Танти удалось каким-то чудом приостановить свое вращение с противником, продолжающим давить на спуск и заливающим все вокруг себя пулями. Юноша прижал нападающего спиной к колючей проволоке, присел и тотчас почувствовал, как несколько пуль вонзилось в прикрывшее его тело, которое, судорожно дернувшись, сразу обмякло. Они так вместе и упали на землю, и ладонь юноши не получила страшного ожога от раскалившегося ствола лишь благодаря перчатке из композитных материалов. Кажется, нападающие не только своего пристрелили, но и решили, что уничтожили одного из воинов засады. Стрельба сразу прекратилась, и первый из лазутчиков перемахнул через стену. Затем совершенно неожиданно раздался пистолетный выстрел, и мелькнул второй силуэт.

И все! Только предсмертный хрип умирающих.

Подобной ситуации юноша себе и представить не мог. Но в голове возникла единственная – паническая – мысль: «Бежать!»

Он выкатился из-под трупа, на полусогнутых пронесся до ближайшей живой изгороди и, пользуясь ею как основным прикрытием, ринулся к спальному корпусу. Сзади слышался топот, крики охранников, спешащих к месту событий, заливались сирены и разносились трели свистков, во всех жилых зданиях в окнах загорался свет. Но, скорее всего, именно последний факт и помешал самым любопытным заметить в полумраке молниеносно исчезнувшую фигурку однокашника. Танти добежал до угла спального корпуса и с надеждой посмотрел вверх, на окно своей комнаты во втором этаже. Друзья не подвели – из него свисала веревочная лестница, а из створа торчали две головы: одна огромная и кучерявая, а вторая – продолговатая, словно огурец, взлохмаченная и с поблескивающими очками.

Когда запыхавшийся искатель приключений оказался наверху, они спешно закрыли окно и бросились ко второму, из которого можно было частично наблюдать за отдаленным участком забора, через который неизвестные только что пытались прорваться на территорию интерната. Мешали деревья и кустарники, но все-таки обзор отсюда был значительно лучше. Когда-

то именно из-за подобного расположения комнаты на самом углу здания Амбалу пришлось изрядно повоевать с другими претендентами.

Но теперь Гарольд прямо-таки трясся от возбуждения, ужаса и сопереживания:

– Ты чего там натворил?! Совсем с ума сошел?! Кто стрелял?! В кого? Зачем?

Одновременно с его верещанием третий их товарищ по прозвищу Заяц выкладывал свои рассуждения, словно комментатор теленовостей, обсуждающий достоинства и недостатки обычной сеялки на самой обычной сельскохозяйственной выставке:

– Творить он любит, и ума у него для этого с избытком. А кто стрелял, он, может, и не видел. Зато вот Немой из своей сторожки выскочил полуголый, но с автоматом системы «цикада» и сейчас шхерится в башенке над конюшней. Оттуда он сможет отстреливаться часами, и вы разминуетесь буквально чудом. Задержишься ты хоть на три секунды, он бы тебя из своего гнездышка сразу заметил...

– А вы меня заметили? – все еще еле дыша, выдохнул Танти.

– С трудом, – признался Заяц. – Ты мчался с невероятной скоростью, и мне кажется, нам надо поменяться прозвищами.

Он явно намекал, что их товарищ двигался со скоростью зайца. Но Гарри все никак не мог успокоиться по поводу стрельбы и продолжал требовать ответа на свои вопросы:

– Так кто стрелял, Дыня?

Свое интернатское прозвище Танти недолюбливал. «А в дыню?» – часто приговаривал он. То есть: «А по голове не хочешь?!» Как раз это его любимое восклицание-угроза и стало причиной такой неуместной клички в мальчишеской среде.

– Сейчас сам в дыню получишь, если толком ничего не расскажешь! – вскипел его друг. – Что там за автоматы стреляли?

Да и Заяц, с другой стороны, проявил редкую для его склада характера агрессивность:

– Ему срочно нужен массаж от скромности в четыре кулака.

Но зажатый с двух сторон юноша отвечать не спешил. Мало того, еще и сам припомнил недавние комментарии и удивился:

– Откуда у Немого автомат?

– Тантоитан! – так к нему Гарольд обращался только в преддверии очередной драки. – С конюхом мы разберемся позже. Ты лучше скажи, что там произошло и происходит!

На месте недавней схватки и в самом деле творилось нечто непонятное. Похоже, глянуть на трупы сбежались не только охранники, но и часть преподавателей. Вдобавок со стороны ворот, прямо по зеленому газону, мчались туда же две полицейские и три гражданские машины. Еще несколько въезжали в главные ворота, а со стороны города приближалось не менее пяти ярких точек: полицейские флайеры.

– Не знаю, ребята, сам ничего сообразить не могу, – признался Танти, дергая нервно плечами. – Вам-то я расскажу, но вы уж держите язык за зубами! А там видно будет...

Не отрывая взгляда от места происшествия, он подробно пересказал суть недавнего боя с неизвестными, со всеми своими переживаниями, рассуждениями и сомнениями. Но если Гарольд от таких новостей только застыл с отвисшей челюстью, то Заяц не на шутку запаниковал.

– Как же так? – зашептал он, проглатывая окончания слов. – Получается, что ты убил человека? А может, и не одного?

– Да никого я не убивал! Чем ты слушаешь? От удара в лоб не умирают, от перелома руки тоже. А третьего в спину сами свои замолотили. О-па! Вы только гляньте!

Четыре флайера приземлились полукругом возле забора и направили ослепительные прожекторы наружу, из-за чего рассмотреть что-либо на самом месте события стало невозможным. Еще три остались висеть над забором. Две пары летали где-то дальше, над пустырем и пригородом, но, кроме этого, к интернату приближался еще не менее чем десяток. Кажется,

событие из локального превращалось во всепланетное. Наверняка вскоре появятся не только корреспонденты газет, радио и телевидения Китланда, но и со всей Сандии слетятся.

– Что-то страшное случилось... Лишь бы меня никто не видел во время отхода... И не опознал, – сказал Танти.

– Да нет, кажется, ты успел в самый раз, – Гарри уже вышел из ступора и стал опять соображать на полную катушку. – Но вот вид у тебя тот еще! Если вдруг сюда кто заглянет, да еще и кровь на тебе увидит... Или что это темнеет?

В густом полумраке комнаты действительно трудно было рассмотреть и грязь, и другие разоблачающие следы на тренировочном костюме. Поэтому Танти лишь благодарно замычал и бросился в их небольшую душевую. Одного взгляда в зеркало хватило, чтобы побелеть от переживаний: на нем и в самом деле хватало чужой крови. Видимо, когда труп упал на него сверху, хлещущая из ран кровь изрядно испачкала его единственный спортивный костюм. А ведь именно в нем придется через пару дней сдавать завершающие учебку зачеты по спортивной подготовке. С лихорадочной поспешностью Танти разделся и принялся застирывать основательно изгвазданную одежду. Прервал это его занятие лишь заглянувший в душевую Заяц:

– Воспитатели обходят этаж и проверяют, все ли на местах!

Пришлось затолкать спешно отжатую форму на самое дно ящика с грязным бельем, в свеженадетых трусах выйти в комнату и вместе с такими же почти раздетыми друзьями с упреждением событий выгнать в коридор.

– Что случилось?

– Началась война?

– Террористы забрались к нам в сад за ранними яблоками?

С такими вопросами встретили они воспитателя, который с вылезшими из орбит глазами приблизился к их комнате и поставил птички напротив трех фамилий в своем списке.

– Не задавайте глупых вопросов! Всем приказано оставаться в своих комнатах! – отмахнулся тот и убежал.

Вздыхнувшие с облегчением друзья вернулись к окну, а Гарольд озвучил общую мысль:

– Может, и пронесет!

Тогда как высокообразованный «яйцеголовый» Заяц высказался с присущим его философии словоблудием:

– По логике концептуальности и правилам вселенской энтропии подобная стрельба в нашем захудалом заведении стремится к значению с семнадцатью нулями после запятой и перед значащими цифрами.

Танти не выдержал и с некоторой издевкой поправил товарища:

– Ошибка! Не с семнадцатью, а с восемнадцатью! – А потом и обиделся: – И почему «захудалом»? Ведь здесь учатся такие парни, как мы!

– Ну да, – оживился Заяц. – И девочки...

– О-о-о!.. – дружно затагнули оба его товарища, закатывая глаза. – «Наша песня хороша, начинай сначала!»

Данный вопрос считался для их высокоинтеллектуального друга просто-таки краеугольным. Стоило Заяцу увидеть любую сверстницу, как он, по мнению остальных ребят, вообще превращался в полного идиота. Начинал угождать, помогать, хвалить и восторгаться любой девочкой, невзирая на страшненькое личико, полноту, кривизну ног, несуразность фигуры или иные негативные детали внешности. Склонность, скандальность, задиристость и прочие отрицательные черты характера у противоположного пола им тоже полностью игнорировались. Стоило хоть одной из соучениц приблизиться к нему, как он сразу превращался в бравого, но недалекого рыцаря, готового совершить любой подвиг ради «прекрасной дамы». Само собой разумеется, этой слабостью не пользовалась только самая ленивая девочка детдома-интерната.

Вообще-то, у Зайца имелись имя и фамилия, как у каждого нормального человека. Но довольно редкие, не всегда употребляемые самим хозяином: Роман Бровер. Когда он пять лет назад прибыл в этот интернат, то перестал носить контактные линзы из-за раздражения слизистой глаз, а в огромных очках очень напоминал худого, угловатого и нескладного зайца-умника из популярного в то время мультфильма.

Вдобавок большой нос очень походил на птичий клюв. Поэтому старшеклассники, любящие придумывать прозвища новичкам, сразу спросили:

– Выбирай: Грач или Заяц?

– Не-е, Грач мне на первом этапе надоел. Лучше уж... Коршун!

Над ним тогда здорово посмеялись и навешали подзатыльников. Ну, и вполне понятно, что гордое прозвище пернатого хищника за Романом Бровером не закрепилось. А вот Заяц оказалось в самый раз. И любая девочка этим нагло пользовалась. Достаточно было какой-нибудь замухрышке обратиться к нему: «Коршун» – и попросить что угодно, как тот отдавал все и сразу, будь то личная вещь, часть одежды или карманные деньги.

Увы, такие любительницы поживиться находились нередко.

Поэтому оба друга год назад с самыми благими намерениями занялись перевоспитанием Зайца и поклялись склотить из него истинного мужика взамен существующей тряпки. Только под их контролем он тратил свои мизерные карманные средства, в их плотной «коробочке» учился грубить и свысока отвечать представительницам прекрасной половины человечества, а любая чересчур хитрая мздоимца потом была не рада, что воспользовалась необычайной щедростью прославленного рыцаря и джентльмена. За этот год Роман Бровер намного вырос в собственном самосознании и в глазах друзей, его теперь уважали остальные ученики, но все равно в присутствии девочек он оставался... безвольной тряпкой. Да что там «в присутствии», хватало лишь одного упоминания!

Друзья, однако, рук не опускали, действовали настойчиво и последовательно. Хотя порой вся троица из-за своей крепкой дружбы оказывалась предметом язвительных пересудов, насмешек и презрительных высказываний. Особенно троице доставалось из-за явной диспропорции телосложения. Все вокруг просто-таки были уверены: Амбал и Дыня, пользуясь своей силой, забирают у сублильного Зайца не только еду, сладости и воскресный доппаек, но даже соки и компот! И действительно, будучи ниже Танти всего на пару сантиметров, Заяц выглядел рядом с ним как несчастный дистрофик, а уж по сравнению с силачом Гарольдом... И потому от одного их вида большинство учеников интерната сразу «пробивало на смех». Но зря они так веселились. Даже три года назад, когда Танти и Гарри только прибыли в школу и сразу выбрали себе в товарищи Зайца, «в дыню» получали слишком резвые старшеклассники обоих вышестоящих лет обучения.

Между прочим, несколько раз комиссии из преподавателей и постоянный надзор воспитателей непосредственно в столовой с уверенностью доказали: ученика Бровера никто не объедает, он порой съедает и три порции. А частенько ест больше Гарольда Стенеси. Просто у парня невероятный, а скорее всего, существенно нарушенный обмен веществ. Или, если выразиться научно, повышенный метаболизм.

Вот такой была небольшая часть истории жизни этих трех юношей, завершающих среднее образование. Сейчас, стоя возле окна, они продолжили обсуждение возможных жизненных осложнений в результате неожиданных убийств. Избыточное выделение адреналина давно прекратилось, а спать им так и не захотелось.

Да и сбежавшиеся со всего Китланда полицейские спокойной ночи желать не собирались. Предположения по поводу вездесущей прессы тоже оправдались на все сто. Но если основную массу пишущей и снимающей братии удалось приостановить в воротах, то корреспонденты, имеющие персональные или служебные флайеры, осуществили настоящий штурм непосредственного места событий, пытаясь получить хоть какую-то информацию или сделать фотогра-

фии. Когда им это не удалось, некоторые флайеры рванули к жилым корпусам, где прямо через окна принялись фотографировать взъерошенных полуголых учеников и мечущихся по внутреннему двору воспитателей.

Озарилось фотовспышками и окно троих друзей. Но те в тот момент уже сидели под подоконником. Гарольд привычно держал вырывающегося Зайца, который болезненно обожал фотографироваться, а Тантоитан ворчал, словно старик:

– Только не хватало на первую страницу какой-нибудь газетенки попасть!

– Подумаешь! – сипел вырывающийся Роман Бровер. Отсутствием чувства юмора он тоже не страдал: – Зато как здорово смотрелись бы ваши рожи под заголовком: «Их товарищ мог бы выжить при хорошем питании!»

– Троглодит! – возмутился Амбал, любовно награждая товарища тумачком между лопаток. – Ведь больше меня жрешь!

– А кто поверит? На тебя глядя... Ой! Пусти! Руку ломаешь, придурок!

– Эй, ты там осторожнее... – забеспокоился Танти, опустивший тем временем светонепроницаемые шторы на окна. – И хватит дурачиться! Давайте лучше комнату осмотрим. И на подоконник гляньте: вдруг мы какой след оставили! А я – костюм доставать.

Через полчаса друзья навели полный порядок и устранили все подмеченные мелочи, свидетельствующие об участии в сегодняшнем событии. Полиция и пресса к тому времени тоже стали рассасываться, и ничего не оставалось делать, как завалиться спать.

– Утро вечера... – Танти начал было цитировать народную поговорку, но его с ехидным смирением перебил Заяц:

– ...прожорливее!

– Да нет! Я хотел сказать...

– ...Голоднее? – встрял теперь уже Гарольд. – Это ты прав, приятель! Хотя я бы уже сейчас пожрать не отказался.

– И я не откажусь! – с готовностью приподнялся на кровати subtilный, с врожденным нарушением обмена веществ Роман Бровер. – Хотите, к девочкам сбегать, попрошу чего пожевать?

– Не хотим! – рявкнули сразу две глотки. Уж друзья знали прекрасно, что посыльный может и не вернуться до самого завтрака. Сердобольные девочки обязательно отыщутся: накормят Зайца от пуза прямо на месте, а то и запрягут в какую-нибудь бессмысленную работу. Зато для его товарищей фиг что передадут.

Глава 2

3588 год, 10 мая, Китланд

Губернатор города без стука ворвался в кабинет управляющего отделением имперской безопасности и на правах старого друга запричитал прямо с порога:

– Вольдемар! Что тут у тебя творится? Я всего на два дня уехал по семейным делам, как тут же весь Китланд перевернулся с ног на голову! И только что я узнал, что буквально через час прибывает специальная комиссия с Оилтона. Мне по краберу нашептал один мой друг из министерства, что с места сорвались самые важные шишки как по социальному развитию, так и по твоему ведомству. Кошмар! А ты тут... сидишь!

– Что ж мне, подпрыгивать? – горестно отозвался безопасник, кивком указывая прибывшему на кресло напротив. – Хотя что ж – потому и сажу, что ноги со страху отнялись...

– Ты что, в самом деле?.. – застыл губернатор.

– Твоими молитвами еще бегаю, но приятного все равно мало. Мне уже известны некоторые имена спешащих к нам визитеров.

– Ну?!.

– Не знаю, кто там из твоего начальства прется, но на мою голову сейчас свалятся командир Дивизиона Серджио Капочи, лучший имперский следователь Энгор Бофке и начальник дворцовой стражи маркиз Винселио Грок.

– Святые электроны! А маркизу-то что ж во дворце не сидится?

– Понятия не имею. Видимо, от старости нейметя.

– Ну, с этим ладно. А вот Капочи и Бофке чего сюда торопятя?

– Сам в шоке. Спроси что полегче...

Маркиз Винселио Грок считался персоной, наиболее приближенной к самому императору, потому что носил его на руках еще младенцем, обучал боевым искусствам в юношеском возрасте, грудью прикрывал в любых ситуациях, да и вообще слыл самым лояльным лицом по отношению к императорской семье. По большому счету, рано потерявший родителей император относился к маркизу как к близкому родственнику. Помимо этого, Винселио был начальником личной императорской стражи и в течение последних десятилетий подбирал лучших воинов на должности телохранителей. Этот еще довольно крепкий в свои шестьдесят девять лет мужчина совал нос, куда ему заблагорассудится, и его слово на Совете имело порой едва ли не решающее значение.

Но если прибытие маркиза еще укладывалось в некое логическое русло, то вот личное участие в этом деле командира Дивизиона вызывало крайнее удивление и вполне обоснованную тревогу. Серджио Капочи являлся главным координатором служб имперской безопасности, а личное командование Дивизионом и вовсе ставило его в пирамиде власти на второе место после императора. Это элитное воинское подразделение, куда попадали только лучшие из лучших воины современности, занималось в основном охраной императорской семьи и зданий дворцового комплекса в целом. Но не было, пожалуй, ни одного воинского столкновения или иного вооруженного конфликта, где в самый решающий, переломный момент не появились бы всепобеждающие и мгновенно подавляющие любое сопротивление воины Дивизиона. Мало того, по устойчивым слухам, именно подчиненные Серджио Капочи наносили превентивные удары в самые центры только зарождающихся бунтов, заговоров или провокаций. Несомненно, командовать лучшими мог только наилучший. Так что о личных боевых качествах Капочи ходили легенды.

И уж если такой человек прибывал в Китланд, значит, случилось нечто ужасное, сравнимое лишь с неожиданной вспышкой кровавой гражданской войны, которая произошла на пла-

нете пятнадцать лет назад. Тогда даже этот патриархальный, консервативно спокойный город подвергся массированным бомбардировкам и наполовину выгорел от пожаров. Но и в те годы для погашения конфликта и уничтожения обеих противоборствующих сторон хватило ввода регулярных войсковых подразделений империи. Ни тогдашний командир не появлялся здесь, ни сам Дивизион.

И вряд ли события сегодняшней ночи могли быть причиной такого визита. Ведь в некоторых криминогенных городах Сандии и не такое случалось, но всегда при этом разбирались, вылавливали и судили собственными силами.

Ну и, наконец, зачем тащить в Китланд Энгора Бофке? Самый знаменитый следователь империи использовал свои таланты лишь в самых экстренных и тяжелейших случаях, которых и на центральной планете хватало с избытком. Настойчивый и молодой, всего лишь сорока трех лет от роду, этот гений сыскной работы получил почетное прозвище Рекс за свою невероятную хватку и феноменальную настойчивость в преследовании или разоблачении любого преступника. Причем пару раз Бофке откопал компромат на таких неприкосновенных столпов общества, что его откровенно стали бояться не только жулики, взяточники и аферисты всех мастей, но и вполне честные лояльные граждане. Тем более что про Рекса шепотом пересказывали «правдивые истории», в которых он, только взглянув на человека, сразу определял, сколько раз и с кем тот изменил своей супружеской половине. А ведь подобные прегрешения есть у всех! Ну ладно, пусть не у всех, но те, у кого их нет, элементарно никого не интересуют.

Именно поэтому управляющий отделением имперской безопасности был в некоторой растерянности. Но на его предложение «спросить что полегче» губернатор только рассердился:

– И спрошу! – В волнении глава гражданской власти города привстал в кресле. – Что произошло?

Его приятель скривился, будто съел лимон с кожурой, и тяжело вздохнул:

– Да вот сам ничего толком понять не могу. А ведь придется о каждой гильзе и каждой секунде отчет гостям предоставить. Да сам посмотри, – он развернул над столом голографическое изображение места происшествия. – Вот забор, вот в этом месте находились два флайера нападающих. Практически сразу начинаются «большие» вопросы. У них оказалось лазерное ружье с контактными лучом, которым они повредили детекторы обнаружения движения.

– У-ля-ля! А что, есть и такие? – вырвалось у губернатора.

– Слышал, что есть, а теперь уже и увидел, – последовал многозначительный ответ. – Затем один из преступников перемахнул через забор и сделал подкоп под проволочным ограждением. Скорее всего, за это время к нему подтянулись и остальные. Но сам «землекоп» дальше не пошел, а вернулся к забору. Так определила экспертиза по следам на его комбине-зоне. Всего на тот момент на разделительной полосе оказалось шесть человек. Трое из них, обладая внушительным комплектом вооружения (в том числе гранатами нескольких типов), ринулись в подкоп и вышли во внутренний периметр. И вот тут начинаются самые большие чудеса! При предварительном осмотре следователи сделали вывод, что один из нападающих сразу после того, как прополз под колючей проволокой, оглушил одного своего коллегу ударом в лоб и сломал руку второму. А потом, достав свой штурмовой автомат «жало», стал крутиться на месте и стрелять во все стороны. Сделав почти два полных оборота, он выпустил из магазина все шестьдесят пуль, и сам был расстрелян оставшимися на разделительной полосе сообщниками. Но в результате этой круговой и жутко беспорядочной стрельбы двумя пулями в живот был смертельно ранен человек со сломанной рукой; убит тремя пулями оглушенный в голову; и одной пулей тяжело ранен в грудь «землекоп». Вот здесь он так и остался лежать, – короткой указкой безопасник показывал местоположение тел на висящей в воздухе голограмме.

– Удалось его допросить? – заинтересовался губернатор.

– Если бы! Оставшиеся двое нападающих из пистолета, в затылок, добились «землекопа» и бросились уходить. Один их флайер полиции удалось перехватить на околицах космопорта.

Все-таки вовремя поднятая охранниками тревога помогла в беспрецедентной погоне. Машину повредили, она упала и не просто разбилась, а еще и сгорела. Но второму флайеру удалось прорваться к кораблю – небольшой круизной яхте, и двоим нападавшим повезло на рискованном форсаже подняться в космос. На предложение сдаться беглецы ничего не ответили, и пограничный имперский крейсер, следуя жестким боевым инструкциям, всего одним залпом распустил увертливую яхту на атомы.

– Не хочешь ли ты сказать, что из участников ночных событий никого не осталось в живых?

– Очень бы хотел возразить, но... – управляющий отделением имперской безопасности с сожалением развел руками. – Чуть позже вскрылись новые факты. Вот здесь, почти у самых ворот и блока охраны, отыскался второй подкоп. Вдобавок и детекторов движения здесь, на каменном заборе, не оказалось за ненадобностью: охранники просматривают этот участок визуально. Но именно через этот подкоп, чуть раньше кровавых событий и стрельбы, группа неизвестных совершила отход после совершенной в административном здании интерната кражи. Причем сам объект похищения, хоть и имеет определенную ценность, скорее всего, вызовет смех: крупная коллекция миниатюрных моделей бронетехники. Продать ее целиком вряд ли получится, а одиночные экземпляры продавать бессмысленно. Сейчас, кстати, по городу проверяют всех коллекционеров и фанатов подобных безделушек.

– О! – вскинулся губернатор. – У моего сына два десятка!

– Знаем, – глаза безопасника блеснули мрачной иронией. – Твое алиби проверили в первую очередь.

– Ну ты и!.. На мне тренируешься остальных пугать?

– Ага, такого желудя, как ты, запугаешь! Так вот, после более тщательного и скрупулезного анализа событий прорисовалась несколько иная картина. Точно доказать нам, конечно, ничего не удалось, но, вполне возможно, что один вор, заметив непонятных конкурентов, продвинулся вдоль ограждений, рассмотрел противника, вступил с ним в схватку и поднял тревогу. Потому что, смотри, вот этот первый, оглушенный, сразу после удара упал именно на колючую проволоку, задействовав детекторы и тензодатчики. Вот этот, со сломанной рукой, так и остался лежать здесь, корчась от боли, ну а уже с третьим неизвестный воришка затеял танец с перетягиванием автомата.

Губернатор тоже когда-то проходил воинскую службу, поэтому разбирался не только в гражданских делах:

– И те двое стреляли по нему в ответ? Как же он выжил?

– Прикрылся трупом и дождался, пока преступники сами не сбегут.

– Тогда как его не заметили охранники интерната?

– В создавшейся суматохе такое вполне могло случиться. Все мчались именно сюда, а этот участок возле ворот остался практически без присмотра. Камер там тоже нет. Так что одиночка мог преспокойно переждать вот здесь, возле дороги, в густой траве, а потом смешаться с толпой корреспондентов и прочих сбежавшихся любопытных.

– Невероятно!

– Везучий и ловкий стервец...

– И сам справился с тремя диверсантами?

– Еще и уникальный боец!

– Ага! И ловкий, и вор, и боец, и вдобавок честный патриот, не жалеющий своей жизни ради высшей справедливости! Ха! – губернатор не скрывал своего сарказма. – Все шито белыми нитками! И если уж я не верю ни единому твоему выводу, то остальные, – он понятным жестом большого пальца ткнул в потолок, – тем более не поверят!

Начальник управления имперской безопасности печально и продолжительно выдохнул:

– Вот потому я и сижу здесь, а подчиненные носятся в мыльной пене. Свидетелей нет, причины нападения неизвестны, на руках одни трупы... А на голову вот-вот нагрянут неожиданные гости из столицы.

Глава 3

3588 год, 10 мая, Китланд

В этот день занятий не было, считалось, что ученики самостоятельно готовятся к завтрашним экзаменам. Но три друга с самого раннего утра все равно оказались на ногах. Гарольд и Танти рванули в спортзал на утреннюю тренировку, а Роман окунулся в виртуальный мир компьютерной вселенной. Собственный распорядок дня нарушать не следовало в любом случае, да и последствия ночных событий хотелось выяснить как можно скорее. Даже направления разведки между собой распределили во время чистки зубов четко и конкретно. Заяц выискивал в Сети любые упоминания, гипотезы и выводы. Лучше него все равно с этим бы никто не справился. Амбал со своей огромной комплекцией давил массой при непосредственных опросах учителей, охранников и воспитателей. От него не так просто было отмахнуться или проигнорировать. Ну и кому-то следовало разобраться с двуличным конюхом.

Позавтракав самыми первыми, сразу занялись делом. Танти выбрал для себя проникновение в конюшню, а по возможности и тщательный осмотр всего, что связано с Немым. Потому что загадочные ночные действия служащего больше всего беспокоили юношу: откуда вдруг у простоватого конюха взялось оружие и с какой такой стати он засел в таком важном стратегическом пункте обороны? Уж не связан ли он был с нападающими? Вдруг у него и задание было: прикрывать злоумышленников огнем? Так что странного служащего следовало проверить и разоблачить в первую очередь. Вплоть до того, что лично, при малейшей возможности, провести тщательный обыск в домике при конюшне. Если самому не получится, то вовремя раскрыть на это дело глаза полицейским следователям.

Скорей всего, что милый, вечно улыбающийся и в меру общительный для своего дефекта мужчина по внутреннему боевому распорядку еще и во внештатной охране подрабатывает, и его помощь необходима как раз вот в таких экстренных или неординарных случаях. Но подобные перестрелки в интернатах никогда не случались, так что и никакого смысла во внештатных боевиках, наглухо законспирированных под недалеких служащих, не было. А верить наблюдательности Зайца следовало неукоснительно: раз уж он марку автомата успел рассмотреть в полумраке, то уж преобразовавшуюся звериную поступь конюха тем более заметил. Из чего следовало, что под Немого следовало немедленно «копать, копать, копать и копать!».

Нельзя сказать, чтобы конюшня считалась такой уж большой достопримечательностью интерната. Но подобные островки для обучения верховой езде и повсеместными не являлись. Данное учебное заведение в этом плане считалось скорей положительным исключением, и обучение верховой езде ни в коей мере не являлось обязательным. Поэтому большинство учеников если и не игнорировали великолепных животных, то удовлетворялись десятком-двумя уроков, полученным на них умением просто держаться в седле и больше в конюшне не появлялись до конца обучения. Ведь по правилам интерната каждый желающий покататься и поучиться выезде обязывался не просто к уходу за животными, но и к чистке помещений. А это у многих сразу отбивало желание носиться наперегонки с ветром по небольшому лугу, расположенному за основным садом.

Танти и Гарольд, давно решившие и выбравшие для себя профессиональную стезю комодесантника, считали умение отлично ездить верхом обязательным условием полного усовершенствования. Поэтому уборка навоза их никогда не отпугивала, ребята являлись самыми активными посетителями конюшни и, пожалуй, самыми умелыми наездниками к тому времени. Они обязательно выкраивали в своем плотном распорядке дня как минимум пару часов раз в два дня для совершенствования в джигитовке, выезде и прочих сопутствующих умениях. Да и в другое свободное время порой заскакивали на пару минуток, чтобы угостить

нескольких избранных по взаимной симпатии лошадей сташенной на кухне морковкой или куском сахара.

Вот и сейчас Тантоитан использовал обычный повод для осмотра конюшни. С несколькими кусками сахара-рафинада и корешком петрушки, которую обожал один каурый жеребец, он легкой трусцой вбежал в просторные помещения и двинулся к выбранным стойлам. Но на полпути оказался остановлен вопросительным и требовательным мычанием. Обычно таким способом Немой привлекал к себе внимание учеников. Юноша с готовностью остановился и постарался дружелюбно улыбнуться:

– Привет, Клайн! – само собой, что нормальное имя у Немого тоже имелось. – Я к каурому...

Конюх так и остался в боковом стойле, и создалось впечатление, что он там прятался до этого времени. Хотя вилы в руках и наполовину растрепанный тюк соломы должны были показать обычные трудовые будни. Отставив инструмент, он сдержанно кивнул и понятными жестами спросил, на какое время ученик записан для занятий.

– Да нет, я просто на пару минуток, – он раскрыл ладонь, показывая сахар. – Мимо пробежал, вот и решил заскочить.

Служитель сразу отрицательно замотал головой, показывая и пальцами, что сахар жеребцу в данное время никак нельзя давать. Порой такие запреты он частенько раздавал по неведомым для остальных обитателей интерната причинам.

– Хорошо! Тогда я его петрушкой угощу. Ты ведь сам объяснял, что этот корешок коням всегда можно.

Клайн с непонятной досадой скривился, словно подыскивая другую причину для отказа. Затем вышел в проход и с явным сомнением обернулся на центральные створки деревянных ворот. Да и вообще сегодня он выглядел более чем странно. Всегда приветливый, радостно улыбающийся, идущий навстречу каждому посетителю, сейчас он смотрелся настороженным и явно обеспокоенным. Видимо, ночные события если и не касались его непосредственно, то уж косвенно заделали сильно. Даже сама фигура его стала похожа на сжатую пружину или готового в любой момент к прыжку хищника. А наличие у этого человека автомата, а скорей всего и иного оружия, лишь усложняло как любые наблюдения за ним, так и вполне невинные переговоры.

Поэтому Тантоитан старался не выдать своей заинтересованности. В подобном случае логично выглядеть беззаботным и недалеким, что он и сделал с напускной непосредственностью:

– Да я быстро! – и с места сорвался к дальним стойлам.

На немного запоздалое мычание он постарался не реагировать, но все равно после короткой пробежки замер на месте. Возле каурого жеребца уже кто-то был. Поняв, что его заметили, неузнанный субъект вышел к дверце. Настроение у юноши сразу обвалилось, а все его подозрения и намерения что-то выведать уступили место открытой раздражительности.

– Ты чего здесь делаешь? – воскликнул он с досадой. – Ведь у тебя тренировка по плаванию!

– Готовлюсь к экзамену по художественной выездке! – нагло соврала самая противная и надменная воспитанница данного интерната. – А тебе чего здесь надо?

– Не хами! Лошади тебе одной не принадлежат, да и удивляюсь, почему каурый тебя не кусает...

– А я вот удивляюсь, с чего это ты так подробно знаешь мое расписание? – девочка высокомерно приподняла брови: – Следишь за мной?

– Ха! Причина банальна: стараюсь выбирать время и место, где тебя быть не должно, – с юношеской жестокостью пояснил Тантоитан. – Потому что твои выходки и зазнайство уже всех достали, даже Зайца.

– Ой, не смей меня! – девушка вышла в проход и подошла к раскрасневшемуся Танти: – Дыня, ну когда уже в твоей голове созреют семечки? Неужели ты не понимаешь, что ваша навязчивая опека Романа только портит?

Вот такой мерзкой, задиристой она была всегда, сколько ребята ее знали. Но сейчас наглые упоминания неприятного в последнее время прозвища, а также инсинуации на тему семечек вообще моментально довели юношу почти до неконтролируемого бешенства. Он только и смог, что, сжимая кулаки, выдавить сквозь зубы:

– Следи за своими словами! А не то...

– Что? Хочешь сказать, что побьешь? – Она приблизилась к нему почти вплотную и бесстрашно смотрела ему в глаза. – Ну, так попробуй! Но учти, что сразу втрое больше получишь от меня в ответку! Я не Заяц, прощать не стану.

Драться с этой пигалицей действительно было бы ниже всякого человеческого достоинства. Но и ответить на ложные обвинения следовало немедленно:

– Клеша! Да с чего ты взяла, что мы его хоть чем-то обижаем? Он самый лучший наш друг.

– Я тебе не Клеша! – раздалось в ответ угрожающее змеиное шипение. Она вообще ненавидела данное ей прозвище, производное от ее перекрученного имени. На что он ответил со звериным рычанием:

– А я тебе не Дыня!

Между обоими уже начали проскальзывать ощутимые только подсознанием молнии, когда обстановку разрядило миротворческое мычание Немого и его ладони, опустившиеся на плечи юноши. Как истинный и ко всему готовый боец, Танти непроизвольно присел и отскочил в сторону. А потом размашистым шагом устремился к выходу. В голове вращались жутко обидные мысли:

«Ну как я опять сорвался? Давал ведь себе и Гарольду слово не заедаться с пигалицей и держать себя в руках. Вечно эта Клеша меня своими провокациями и надменностью до бешенства доводит. Вот уж... змея! Лягушка! Ящерица! Саранча противная!»

На полпути к спальному корпусу ему встретился Гарольд, который, не разжимая губ, заговорщицки спросил:

– Разузнал?

– Шлагбаумом ей по голове! – в сердцах воскликнул Танти. – Ты себе не представляешь, как эта Клеша все испортила!

– Понятно, – сочувственно закивал Амбал. Затем демонстративно сплюнул в сторону конюшни и бросился догонять товарища. Уж он-то лучше всех знал подноготную самых неприемлемых и антагонистических во всем интернате отношений.

История эта началась в начале нынешнего учебного года. В первые дни занятий в школу доставили того самого каурого жеребца и парочку прекрасных, не менее породистых кобыл, которых и сопровождал новый конюх. Понятно, что служащему из-за его немоты сразу навесили соответствующее прозвище, но он никогда на это не обижался. Молодой, лет двадцати пяти мужчина всем понравился своей доброжелательностью и непосредственностью и, несмотря на врожденный дефект, моментально подружился с самыми заядлыми наездниками. Тот счастливый период продолжался целую неделю.

А потом и эта пигалица свалилась как снег на голову. Откуда и за что ее перевели именно в интернат Китланда, никто не знал, да и по существу родословная отношения к делу не имела. Но чуть ли не с первого часа своего пребывания новенькая встала на пути у троицы друзей. Началось все в тот момент, когда Танти и Гарольд явились в конюшню на запланированные занятия и там наткнулись на своего сублильного друга. Заяц выглядел самым счастливым в мире и, пуская слюни, встретил друзей восклицаниями:

– Там такая девочка! Такая!.. Ее Клеопатрой зовут!

– Хо-хо! – обрадовался Тантоитан, хлопая Романа по плечу. – Слишком ты доверчивый! Если она – Клеопатра, то я – Александр Македонский!

Его смех резко оборвался, когда он увидел, что записанного на него каурого собирается оседлать какое-то невзрачное создание.

– Эй! – строго крикнул он незнакомке в спину. – Вали отсюда! Это мой конь!

Та уже к нему повернулась всем корпусом и теперь смотрела расширенными глазами. Но без всякого страха или сомнения. Причем чуть ниже воротника у нее на бейдже отчетливо красовались имя и фамилия: Клеопатра Ланьо. Вряд ли бы новенькая осмелилась воспользоваться выдуманным именем. Оба полминуты рассматривали друг друга со всем возможным апломбом, а потом девочка заливисто расхохоталась:

– Твой конь? Да ты никак потомственный ковбой! Вернее, конокрад, который только и может, что мечтать иметь такого красавца.

Она каким-то слишком уж хозяйским жестом погладила каурого по громадной скуле, и тот ответил приветственным ржанием. Такое предательство прекрасного животного, на приручение которого Танти потратил почти четверо суток, его добило так, что он лишился дара речи. И какое-то время общался с появившимся рядом конюхом лишь возмущенными жестами для глухонемых:

«У меня сейчас два часа занятий на этом коне!»

«Знаю, знаю! Но ты не расстраивайся, можешь взамен выбрать любое другое животное».

«Но я записан на каурого!»

«Сочувствую. Но ведь девочкам надо уступать. Тем более она новенькая, у нее здесь ни друзей, ни знакомых. А этот конь ее признал и разрешил себя оседлать...»

«Так у нее никогда друзей не появится, если она начнет воровать и устраивать подлости!»

«Ну, зачем ты так? Она ведь хорошая и вполне воспитанная девочка. Разве тебе трудно ей уступить?»

«Нисколько! Но это все равно как украсть мою порцию в столовой, сожрать ее, а потом попросить: я страшно голоден, спаси меня...»

Похоже, что девочка совершенно не могла понять, о чем идет речь, разве что догадывалась. Потому что смотрела на переговаривающихся жестами немых, скривившись от подозрения. Наконец это ей надоело, она схватила жеребца за узду и стала выводить из стойла с надменным восклицанием:

– С дороги!

Клайн ловко отпрыгнул в сторону и с каким-то неприятным умилением посмотрел вслед выносящейся из конюшни новенькой. С той самой минуты стало понятно, что у конюха вдруг ни с того ни с сего объявилась любимица, которой он потворствовал в любом вопросе. Танти тогда тоже удачно отпрыгнул с пути невоспитанной хамки, но при следующих встречах постарался использовать весь свой ум и сообразительность, чтобы поставить наглую выскочку на место. Между ними началась тотальная война, в результате которой Клеопатра Ланьо старалась не появляться в присутствии Танти на игровых площадках, а он ей подчистую проигрывал на территории конюшни. Дошло даже до того, что он решил забросить джигитовку и конную выездку и только благодаря Гарольду вновь и вновь появлялся возле лошадей и, сжав зубы, седлал ту, которая ему доставалась. Потому что самое лучшее животное из готовых под седло всегда оказывалось занятым Клешей.

– Не обращай на нее внимания, игнорируй! – со всем напором уговаривал и поучал лучший друг. – Я со стороны заметил, что, когда ты ее не видишь, она набирает в грудь воздуха и ждет. Но как только твоя голова или корпус начинает разворот в ее сторону, она и выдает свои гадкие пассажи и провоцирует тебя вызывающим поведением. Борись! Тренируй свою волю! Докажи, что ты и в данном случае достоин высокого звания рассудительного воина. Закаляй выдержку! Убеди своим игнорированием, пренебрежением, что она – пустое место!

И Танти тренировался. А потом доказывал. И с каждым разом у него получалось все лучше и лучше. Да и учеба почти завершилась, оставалось пятнадцать дней, после чего выпускники разъедутся по всей империи искать свои жизненные дороги. Но иногда он все-таки срывался, как вот сейчас, и ничего не мог с собой поделаться. Даже специально изучил распорядок дня и расписание учебы Клеопатры, лишь бы с ней не пересекаться, и все равно не повезло. Чего этой пигалице понадобилось в конюшне?

Именно этот вопрос и задал в первую очередь Гарольд, когда они вдвоем нависли за плечами Романа Бровера.

– Сам не пойму. Тренировку по плаванию пропустила...

– Значит, ты ничего не высмотрел, и придется Клайна «сдавать»?

– Не знаю. А ты что думаешь? – Танти сжал ладонью плечо их компьютерного гения.

– Тоже терзаюсь сомнениями, – признался тот, не прекращая своего пребывания в виртуальном мире. – С одной стороны, мне сейчас ничего не стоит запустить в Сеть не отслеживаемую информацию: мол, несколько ребятшек из окон успели заметить, как притворяющийся немой конюх бегал ночью с огромным автоматом.

– Почему «притворяющийся»? – удивился Гарри.

– Так положено, приятель! Все тоже будут ошарашены новостью о притворстве и начнут перепроверять Клайна до седьмого колена. А вот в наличии автомата никто не усомнится.

– Хитро...

– А ты думал! Прислушайтесь к умному человеку, глядь, и сами не такими круглыми дураками останетесь. – Роман вытащил ладонь из туманного сгустка пространства перед лицом и погладил себя по растрепанным вихрам. – Но, с другой стороны, вдруг этот Клайн и в самом деле законспирированный работник госбезопасности? Раз кто-то к нам пытался пробраться с целым арсеналом, то кто-то вполне мог предугадать подобную вылазку и на всякий случай внедрить сюда своего агента.

– Слишком сложно получается, – сомневался Танти. – Разве что на территории интерната в древности закопали какое-то уникальное сокровище. И что ты там упомянул по поводу арсенала?

– В печать просочились сведения, что у террористов имелись гранаты. Причем разного назначения.

– Значит, все-таки террористы?

– Так считает большинство обозревателей. А вот тут я выписал несколько десятков других, весьма интересных, с моей точки зрения, предположений. Можете глянуть. Возможно, что кто-то и угадал, потому что мне версия о заложниках ну совершенно не импонирует.

– Да, маловато их для захвата интерната, слишком маловато... – бормотал Танти, вместе с Гарольдом вчитываясь в красивые строчки, написанные каллиграфическим почерком. – Да и боевик, рывший подкоп, сразу вернулся к забору. Мне кажется, те трое должны были прикрывать окончательный отход. Знать бы, после чего.

Гарольд ткнул своим мощным пальцем в одну из строчек:

– А вот месть кому-то из преподавателей – вполне подходит. Многие прожили долгую жизнь, всякое прошли, разное пережили. Вполне возможно, что и обидели кого ненароком. А обиженный не забыл, решил отомстить и отправил наемных убийц.

– Ага! – поддержал Роман отрицательно хмыкнувшего Тантоитана. – Даже на территорию школы для такой мести легче всего подослать мокрушника-одиночку, который под видом того же сантехника пройдет куда надо, двинет разок монтировкой – и суши тапки. Мне больше всего другая идея импонирует.

– Какая?

– Только после вас, господа! Вам тоже полезно думать.

Стоящие у него за спиной друзья переглянулись, моргнули друг другу и перешли на таинственный шепот:

– Кажется, я знаю!

– Я тоже догадался! Всемирная мафия не дремлет, и они возжелали перехватить самое ценное у Доставки.

– Точно! Ведь каждый гений у них на учете, а информация об этом получила утечку. И мафия пошла на все.

– Они специально подстроили отсутствие товарищей по комнате, приготовили здоровенный мешок и решили похитить звезду мировых виртуальных сетей...

– Знаменитого Романа Бровера!

– По прозвищу Заяц!

Роман уже всем телом вернулся в этот мир, близоруко присмотрелся к веселящимся друзьям и, надевая очки, фыркнул:

– Ребята, хватит дурачиться. Тут такой серьезный момент, а вы дурку гоните.

– Ты серьезно о похищении говоришь? – хохотнул Гарольд, еще раз пробегая глазами бумажку с разнообразными гипотезами. – Но до этого даже газетчики не додумались. Чего уж ты... пыжишься?

Заяц ничего не ответил, только демонстративно перевел взгляд на Танти и выжидающе замер. Тот пожал плечами:

– Версия очень хорошая и где-то созвучна моим размышлениям. Но что нам это дает? На носу выпускные экзамены, сбор документов, получение аттестата и подъемных. По слухам, у нас здесь два потомственных графа, маркиз и целая тележка баронов. Да и мы могли бы себе любую родословную придумать. В итоге: какой смысл копать в биографиях всех учеников?

– Ну... ради спортивного интереса!

– Нет, Заяц! Делать нам больше нечего. Если это кто-то из последнего класса, то мы его и так больше никогда не встретим, а если из младших, то наверняка и без нас разберутся. Главное, чтобы меня тут никаким способом к делу не пришили. Мне вон с Гарри в училище поступать.

– А если я отыщу? – не унимался Роман. – У меня и программка подходящая имеется, только правильно запрос сделать осталось.

– Ничего у тебя не получится.

– Ты то же самое говорил по поводу моего трояна для документов инспектора по кадрам. А ведь получилось!

– Ну, так ведь то – троян. Это тебе не секретные данные на сотни человек перелопатить! Я ведь тоже только немногим меньше тебя в виртуалке разбираюсь.

– А на спор! Слабо? – блеснул очками Заяц.

– Запросто!

– Ха-ха! – не выдержал Гарольд. – Чего соглашаешься? Ты этому гению уже и так все свои сувениры проспорил. Больше ничего не осталось.

Танти растерянно почесал макушку, припоминая, что у него еще осталось, и неуверенно предложил:

– Давай, как друзья, просто на интерес поспорим?

– Фигушки! – еще больше завелся Роман. – Давай на что-нибудь солидное. Например: если я выиграю, то ты в течение десяти дней подходишь к каждой выбранной мною девочке и говоришь: «Извини за все нанесенные тебе обиды. Теперь я тебя уважаю и готов выполнить любое твое поручение».

Оба его друга от услышанного предложения так засмеялись, что схватились за животы и повалились на пол. Выдавливая из себя изредка сиплым голосом по одному слову:

– Большой!.. Безнадёжно!.. Это уже не лечится. Такие, как ты... уже давно вымерли! Как мамонты на Земле! Не, как динозавры!

Видимо, что-то из последних слов натолкнуло Гарольда на какую-то мысль, и он, не прекращая хохотать, подполз к Танти. Зажал его, извивающегося, обеими ручищами и, продолжая давиться смехом, прошептал нечто на ухо. Веселящийся товарищ согласно затряс головой, но прошло еще несколько минут, пока оба встали на ноги, помогая друг другу.

– Хорошо, хочешь солидного спора, так готовься. – Танти сделал несколько резких выдохов, возвращая себе более серьезный вид, и проговорил: – Если выиграю я, то ты едешь с нами поступать в училище космодесантников. Идет?

– Ха-ха! – теперь уже Роман смеялся от души. – Но ведь меня не примут!

– С нами – запросто! – заверил Гарольд товарища. – Мы ведь тебе уже сколько раз доказывали!

Действительно, споры на эту тему и уговоры не прекращались весь последний год и вспыхивали с завидной регулярностью. Да только Заяц и думать не хотел о карьере военного. Ему и на своем любимом поприще мирового Интернета интереса хватало. Но сейчас истинный почитатель прекрасного пола при воспоминаниях о несчастных соученицах потерял всякую осторожность и здравый смысл. Так ему захотелось, чтобы Танти хоть десять дней относился ко всем девочкам с рыцарской вежливостью и джентльменским почтением.

– Ладно, договорились. – И, после того как все прикоснулись кулаками в знак вступления спора в силу, ехидно добавил: – А ты теперь начинай репетировать свою коронную фразу перед зеркалом. Не забыл?

– Уже вызубрил наизусть! «Извини за все нанесенные тебе обиды. Теперь я тебя уважаю и готов выполнить любое твое поручение». А? И не сбился ни разу!

– Отлично! Потому что возле Клеопатры ты вечно заикаться начинаешь.

Веселость с лица Танти словно ветром сдуло, и оно пошло красными пятнами:

– А в дыню?!

Теперь уже над ним хохотали его лучшие товарищи.

Система образования в Оилтонской империи строилась по общегалактическим стандартам. Обязательное среднее образование получали все юные граждане с пяти до пятнадцати, максимум шестнадцати лет. И хотя окончательные идентификационные документы выдавались только в восемнадцатилетнем возрасте, но уже после окончания школы наступала пора самостоятельности, и каждый мог сам выбирать свой жизненный путь – работать ему или учиться. Для дальнейшего совершенствования знаний и навыков предлагалась целая система многоступенчатых курсов, технических и гуманитарных училищ, ну и, разумеется, высших учебных заведений. Было бы только желание учиться.

Для двух друзей выбор состоялся уже давно. Да вот только имелась одна существенная заковыка. Для поступления в военное училище космодесантников абитуриенту к моменту первого вступительного экзамена должно было исполниться как минимум шестнадцать лет. Гарольду в этом смысле повезло, он потерял один год учебы в девятилетнем возрасте при смене усыновивших его родителей. Так получилось, что те проигнорировали обязательную виртуальную программу для отдаленных обучающихся, и ребенку пришлось повторно проходить годичную программу.

Да что там говорить, даже Заяцу двадцать девятого мая исполнялось шестнадцать, и он мог первого июня приступить к сдаче экзаменов, а вот Танти не хватало года и десяти дней. Поэтому для достижения своей мечты ему пришлось бы потерять даже не один год, а целых два, что какое-то время он воспринимал как жуткую личную трагедию. И только благодаря поддержке и советам друзей, а также разработанной Романом сложнейшей компьютерной программе был найден подходящий выход. Расчет, конечно, получался несколько громоздкий,

основанный на некоторых элементах человеческой косности и привычек, но при всей витиеватости и наглости мог элементарно сработать.

При приеме документов в военное училище требовалось наличие двух обязательных рекомендаций от людей, организаций и учебных заведений, к этому уполномоченных. То есть космодесантником мог стать человек, никогда не сидевший за партой, никогда не видевший мэрии, но имеющий на руках бумагу с подписью, например, наивысшего местного представителя дворянства. А вторую мог дать боевой ветеран, имеющий в наградном списке «Изумрудную ветвь» за высокие боевые заслуги. Тут тоже существовало два важных нюанса. Первый: рекомендации обязывалось писать от руки на гербовой бумаге, на которой имелись все данные претендента: в том числе и где, а самое главное, когда он родился. Ну и второе: если поступающий не набирал необходимого количества баллов на вступительных испытаниях, то он все равно не поступал. Но! Если количество баллов оказывалось обвальным низким, то давший рекомендацию человек, несмотря на все его титулы и прежние заслуги, автоматически вычеркивался из списков уполномоченных. Общественные организации и учебные заведения под такие штрафные санкции не попадали. Поэтому личные рекомендации поручители, даже уверенные в своих просителях, старались не давать под любым предлогом.

Следуя подсказкам друзей, Тантоитан сумел заранее организовать получение рекомендаций от посторонних людей. Он сумел поступить в школу уникальных воинов, в ученики к двум мастерам боевых искусств, однако при записи назвал иную дату рождения: десятое мая три тысячи пятьсот семьдесят второго, то есть сделал себя старше на год и десять дней. Школа находилась на противоположном конце Китланда, и три раза в неделю ему приходилось туда добираться на общественном флайере, но больше всего юношу устраивало, что его там усиленно учили, а не спрашивали метрику о рождении. К данному моменту он своим усердием и старанием добился таких высот в боевом искусстве, что оба наставника без малейших сомнений согласились дать свои рекомендации. Дело оставалось лишь за предоставлением им гербовых бумаг со всеми своими данными.

Вот для этого и понадобилось внести некоторые изменения в файл инспектора по кадрам. Понятно, что если бы защищенные от подделок бланки выдавали лично директор школы или тот же инспектор, они могли мельком взглянуть на дату рождения, задуматься и выявить «ошибку». Но весь расчет как раз и строился на том, что бланки выдавались, как правило, в секретариате интерната. А там посменно, через день, работали две девушки, которых совершенно не интересовали конкретные лица. Им полагалось сверять гербовую бумагу, выданную беспристрастным, опломбированным несколькими печатями безопасности ксероксом, только с именованным бейджиком ученика и его имеющейся на экране подписью. Ну, могли еще отпечаток пальца проверить, если настроение отвратное. Но для ученика такие действия негативной роли уже не играли.

Так что теперь оставалось лишь получить нужное, что и намеревались сделать трое друзей в самое ближайшее время. Потому они и крутились как можно ближе к секретариату, высматривая, подмечая и обмениваясь мнениями.

По предварительным планам, получить бланки для рекомендаций ребята хотели уже сегодня, чтобы вручить их вечером наставникам во время уроков боевого искусства. Гарольду требовалась только одна рекомендация, вторую ему должны были выдать по месту окончания учебы. Сложность заключалась лишь в том, что к обеденному времени как на территории, так и в самом административном здании интерната скопилось невероятное количество посторонних лиц. Все-таки ночное происшествие с кровавыми убийствами заставило слететься к месту событий не только полицейское начальство из Китланда и столицы планеты Сандии, но и способствовало визиту некоторых важных шишек из Оилтона, центральной планеты всей империи. Получилось массовое столпотворение. Как следствие, ребята оказались поражены видом стоящих на каждом повороте и перекрестке угрюмых, перекачанных и обильно вооруженных

парней. Причем всезнающий Заяц клялся и божился, что на некоторых маячащих по периметру парнях была специальная форма для гражданского патрулирования. И данная форма находится лишь у всеильного и вездесущего Дивизиона.

Больше всего над подобными выводами друга потешался Гарольд:

– Думай, что говоришь, четырехглазый! Не хватало только Дивизиону заниматься нашими местными террористами или похитителями.

Но Танти относился с уважением к обширнейшим познаниям друга-интеллектуала, поэтому выведал все подробности и детали одежды, которые привлекли внимание, и скривился:

– Конечно, элитное воинство империи сюда вообще ни в какие ворота не пролазит, но если здесь начнут рыть следователи с Оилтона, то могут и до нашего троянского файла докопаться. Поэтому предлагаю вырывать бланки для рекомендаций немедленно. Хотя бы для меня одного. Будете прикрывать меня со всех сторон, лишь бы кто из высшего начальства не нагрязнул и не стал заглядывать в данные. Они ведь привыкли все проверять...

Ребятам в этом плане повезло. Кажется, начальству вообще было не до каких-то там сверок или праздного любопытства. Они метались так, что чуть друг друга с ног не сбивали. А потом, скорей всего вынужденно, вместе с огромной толпой прибывших чинов подались к непосредственному месту ночного происшествия. Как только ребята в этом убедились, так сразу рванули в комнату секретариата.

За красивой прозрачной перегородкой гордо восседала одна из девушек, которая трудилась на этой должности чуть больше месяца. Да и самой ей исполнилось наверняка только-только восемнадцать. Самый оптимальный вариант! Когда ей изложили суть дела, она строго попросила опознавательный бейджик, надменно провела его над сканером и, игриво стрельнув глазками в сторону наиболее эффектно смотрящегося Гарольда, стала набирать данные запроса. А когда встала из-за стола и пошла к деловито подмаргивающему огоньками ксероксу, то еще и попойкой соответственно покрутила. Короткая юбочка еле-еле прикрывала трусики, и Амбалу больше ничего не оставалось, как поддержать свою репутацию развратного бабника и сердцееда:

– У-у-у... – восхищенный звук перешел в задушевное посвистывание. Девушка резко повернулась и строго нахмурила бровки:

– Как вы себя ведете, ученик?!

Но сразу чувствовалось, что строгость чисто показная и она не прочь хотя бы поболтать на отвлеченные темы. Беготня бледных начальников и их проблемы девицу совсем не волновали. Пришлось Гарольду продолжать:

– Мои губы и язык порой действуют независимо от своего хозяина. Особенно когда хозяин впадает в ступор от восторга и восхищения.

Никто кроме двух человек в мире не знал, что смотрящийся на все девятнадцать лет парень выдавал подобные перлы лишь благодаря настойчивой зубрежке под руководством своего близкого наставника – Тантоитана Парадорского.

Но секретарше такой ответ понравился. Непроизвольно облизываясь и глядя отстраненным взглядом на выползающие в приемный лоток бланки, она их подхватила, положила на стойку перед просителем и выдохнула:

– Сверьтесь! – тогда как на громадного и кучерявого красавца вновь постаралась посмотреть с многозначительной строгостью: – И что именно тебя восхитило больше всего? Мои туфли или моя прическа?

– Все остальное, что находится между ними! – выпалил гигант с совсем непритворной страстью.

Но пока они так переговаривались, Танти вчитался в графу «дата рождения» и чуть не запрыгал от радости до потолка. Запущенный в секретные данные троян сделал свое дело:

парень в одиночасье стал старше на год и один месяц. Скрупулезно проверив все остальные данные, он продвинул листы обратно:

– Все верно!

Но тут неприятную заминку внес в делопроизводство Роман Бровер. До этого он только и мог, что стоять с отвисшей челюстью и любоваться на вполне себе среднюю по красоте девушку, а теперь и его прорвало на обычное для него словоблудие.

– О, принцесса! – начал он, сглатывая слюну. – Блеск твоих глаз сравним с сиянием звезд, а голос твой подобен голосу древних сирен, из-за которых погибали мореплаватели.

Несмотря на возвышенность речи, субтильный вид истощавшего от систематического недоедания ученика вызвал на лице девушки лишь недоуменную гримасу:

– Тебе тоже бланк нужен?

– Нет, нет! – зачастил словами Тантоитан, резко отталкивая бедром нахального донжуана. – Только мне! Где надо расписаться в получении?

Секретарша с некоторым раздражением вернула бейджик, выложила на доску электронный копиатор.

– Парадорский? Вначале здесь, – она дождалась, пока раздастся писк подтверждения, и ткнула пальчиком на другом бланке: – Теперь вот здесь. – Затем вложила гербовые листы будущих рекомендаций в щель окончательной регистрации, и те по нижней части украсились несколькими штрих-кодами, копиями подписей и голограммной печатью. – Напоминаю, что исправления во вносимом тексте практически недопустимы. Испорченные экземпляры обязательно сдать обратно.

– Конечно, конечно! – задышал с облегчением Танти, подхватывая листы и вкладывая в заранее заготовленную папку. – Большое спасибо!

И сразу очень грамотно внимание девушки переключил на себя Гарольд:

– Мне тоже кое-что надо, только я не знаю, как попросить и чем потом придется рассчитывать...

– И мне надо!.. – Заяц успел к тому времени преодолеть образовавшееся после толчка расстояние, проглотить опять накопившиеся во рту слюнки и обрести дар речи. Но его уже держал в прочном захвате Тантоитан и уводил в глубь коридора к ближайшему повороту. Поэтому субтильному другу ничего не оставалось, как жалобно воскликнуть: – Настоящая принцесса!

– Не то слово, – с восторженной радостью поддержал его более крупный товарищ. – Не просто принцесса, а будущая императрица!

И в следующий момент пара почти столкнулась со спешащей куда-то Клеопатрой Ланьо. Она от неожиданности замерла на месте, справедливо ожидая столкновения, но сноровка и постоянное состояние «начеку» позволили Тантоитану резко затормозить, хотя для гашения скорости и пришлось несколько грубо отшвырнуть Романа в сторону, а самому уже второй раз за сегодняшний день оказаться лицом к лицу вплотную с девушкой. Причем больше всего его поразили огромные, явно испуганные и недоуменные глаза. Даже бледность проступила на щечках. Что вызвало и у юноши ответное замешательство. Действовать он при таких встречах привык немедленно, но сейчас ничего иного придумать не смог, кроме как сказать:

– Ну? Чего испугалась? Не бойся, бить не будем.

– А-а-а! – стала входить в «боевой режим» Клеопатра. – Так ты уже осознал, что сам со мной не справишься? Решил Романа подговорить?

– Ха! Так ведь и вас двое! – он кивнул в сторону конюха Клайна, с явно неестественной улыбкой возвышавшегося за спиной девочки. – И чего это он все время за тобой таскается?

– А нас к директору вызвали, сразу несколько лошадей серьезно заболели. Надо их отправлять на лечение.

– Так это дело конюха.

– Собираюсь переводить его жесты для директора! – за последний год Клеша и в самом деле освоила язык жестов.

– Все равно тебе пора уже давно быть в шестом зале на фехтовании.

– Ты мне не воспитатель, так что помалкивай. И так выглядишь слишком болтливым, тщетно пытаешься показать себя всезнайкой.

– Если ты о себе, то мне это необходимо, чтобы избегать негативных эмоций от общения с тобой.

– Ты бы лучше за своим премерзким поведением следил! Дыня!

– А ядовитей змеи, чем ты, Клешка, наверняка во всем Китланде не сыщешь! – Танти опять понесло: – И знаешь, почему выпускной станет для меня самым счастливым днем? Потому что со следующего дня я тебя никогда больше не встречу! Даже случайно!

– Да?! Ну, тогда я очень постараюсь тебе удружить! И ты еще ой как пожалеешь о своих словах! Обещаю!

Они уже готовы были вцепиться друг в друга, как их с двух сторон растолкали Немой и Заяц. Причем девочка сразу кардинально изменилась: мило, невинно улыбнулась и по-дружески положила Роману руки на плечи:

– Скажи, чего вы с Танти обзывали меня принцессой?

Оказывается, она прекрасно расслышала каждое слово из их восклицаний перед столкновением. И опять ничего не соображающий Заяц стал болтать не задумываясь:

– Это мы про секретаршу говорили, там ее Гарольд развлекает. А мне не дали даже слова ей сказать. Но ты не принцесса, ты гораздо выше, ты богиня Клеопатра! И очень скоро Танти тебе это сам скажет. Обещаю! Ой!

Последнее восклицание у него вырвалось от боли: товарищ опять держал его руку в захвате и поспешно уводил по коридору к выходу из здания. Хотя один раз они все-таки оглянулись и успели заметить, как Немой с Клеопатрой Ланьо поспешно скрылись за дверью директорского кабинета.

Глава 4

3588 год, 10 мая, Китланд

Этот день по совокупности событий запомнился Танти как основополагающий, этапный и много определяющий. Ближе к вечеру юноша зарегистрировался на выходе, оставил на охране точные данные, куда и на какое время отлучается, и, бегом преодолев пустырь, вскочил в причаливший к пандусу общественный флайер. Гарольд хоть и получил гербовый бланк, но спешить с передачей его наставникам не стал: после некоторых размышлений друзья решили оставить его следить за событиями в интернате. Так что будущий малолетний космодесантник отправился один. Лететь к школе боевых искусств из-за частых посадок предстояло почти полчаса, так что у юноши было время для детального просмотра в памяти прошедших за последние сутки событий.

Хотелось еще раз пройтись по деталям ночного боя, но тот уже почему-то смазался, отдалился, словно состоялся месяц, а то и два тому назад. Вместо анализа своих ударов и проведенных приемов вдруг перед мысленным взором зависли глаза испуганной Клеши. Такой растерянной видеть ее еще не приходилось. Создавалось четкое ощущение, что девочка вся сжалась от страха, и именно такая открытость чувств вдруг разбудила неосознанное желание защитить эту егозу, охранить от напрасных оскорблений и глупых юношеских конфронтаций. Если бы Клеопатра всегда так смотрела на Тантоитана, то, пожалуй, он бы первым сразу вставал на ее защиту, потому что в нем превалировало чувство справедливости и желание защищать слабых. Другое дело, что Клеша раньше постоянно выглядела противной, зловерной и настолько агрессивной, что от нее хотелось сбежать немедленно, а еще лучше развернуться и уходить на полусогнутых, лишь только она покажется вдалеке. Это от нее следовало защищать всех и вся, и оставалось только удивляться, как она более-менее сносно ладила с несколькими появившимися у нее приятельницами и парочкой ребят из «тихого десятка лопушков». Так называли в интернате самых спокойных, неконфликтных юношей выпускного класса.

А вот сегодня в ней приоткрылось что-то новое. И очень жаль, что Танти опять пустился в бессмысленную перепалку, вместо того чтобы выяснить или вывести причину мелькнувшего страха. Неужели и в самом деле побоялась, что ее сейчас избыют? Ерунда! Она раньше еще и не так нарывалась, причем вдали от администрации, без конюха за спиной и вообще без свидетелей. Тут было что-то другое... Но что именно?

Тантоитан вышел из задумчивости, осознав в наивысшей точке «скачка», что через одну остановку ему выходить. Да и белый купол с башенкой на здании, названном учениками «зубом мудрости», уже виднелся среди крон древесных великанов. И мысли юноши переключились на боевые искусства. Сколько себя помнил Тантоитан Парадорский, ему всегда и везде приходилось драться. Более ловкий и задиристый, чем его сверстники, он одним только своим видом, бесстрашием и несговорчивостью вызывал у одноклассков желание собраться двоим или троим и сообща навтыкать гордецу. А старшие ребята старались сразу дать обидного подзатыльника, чтобы не смотрел так «нагло и вызывающе». Статус-кво устанавливался быстро: Танти никогда и ни у кого не просил пощады, не сдавался и не шел на стовор или компромиссы. А только бил, рвал, царапал и ломал. И уже через парочку месяцев на него не решались броситься толпой: впоследствии все равно выловит по двое, по трое и жестоко избыет. Боялись задирать мальчика и старшие: ходить потом с расквашенным носом, подбитым глазом или свернутой скулой никому не хотелось. Вдобавок Танти при явном весовом или количественном преимуществе противника никогда не стеснялся нанести молниеносный максимальный урон и совершить немедленное тактическое отступление. Проще говоря, сбежать. А потом несколько часов терроризировать любую группу партизанскими наскоками из-за угла. Порой он такое вытворял, что самому

не верилось в свою необузданную ярость. И его вскоре начинали элементарно бояться. А «раз боишься – значит, уважаешь!» – неписаное правило дворовых компаний.

Но проходило какое-то время, менялось место жительства, учебы, детдом или интернат, и вновь приходилось доказывать свое право на независимое существование. Бывали моменты, когда Тантоитана могли убить, да что там могли, почти уже убивали преднамеренно, но он и это прошел с высоко поднятой головой. Хотя старался про те случаи даже не вспоминать.

Три года назад он попал в этот интернат. Причем так счастливо совпало, что судьба его опять свела с другом-приятелем по предыдущему детдому. Так что путеводная нить жизни ребят с того момента оказалась единой. Да и мечта о будущем у них была одинаковой: только в космодесантники! Только вместе на защиту империи и борьбу против любой несправедливости!

Само собой разумеется, что и различия между ребятами имелись существенные. Если Танти все свое свободное время посвящал совершенствованию умений атаковать, защищаться и обезоруживать, то Гарольд и так превосходно умел драться. Причем такого понятия, как рыцарство или соблюдение каких-то правил, он не признавал изначально, и его боялись с тех пор, как он научился ползать на четвереньках в песочнице. Причем боялись не только товарищи и сверстники, но и взрослые. Гарольд до сих пор со счастливым и гордым смехом вспоминал рассказ его первых приемных родителей, который уже стал легендой.

Какой-то папаша увидел, как чужой двухлетний карапуз зажал в угол и отчаянно колотит кулаком по печени его трехлетнего сына, и вознамерился разнять драчунов. При этом рука не выдержала и дала легкий подзатыльник чужому ребенку. Лучше бы он этого не делал! Гарольд сыпанул огромному мужику две горсти песка в глаза, а потом тяжелой игрушечной пожарной машиной, которую и сам-то мог еле поднять, раскроил до крови пальцы на ногах у обидчика. И, смешно косолапя, убежал к умирающим от смеха и стыда родителям. Отступать он тоже умел, но любил это делать только после полной победы или деморализации противника.

Вот и получилось, что когда два года назад Тантоитан разыскал «зуб мудрости» и, захлебываясь слюной от восторга, стал рассказывать, кто там преподает боевые искусства, Гарольд только саркастически хмыкнул:

– За компанию с тобой, конечно, я туда пойду, но заниматься буду в два раза меньше. Мне тоже редкого наставника удалось разыскать...

Он очень увлекался анатомией человека, совмещая это с желанием научиться делать любой массаж и постичь таинственную науку мануальной терапии. Ему и в самом деле в этом плане невероятно повезло, древний профессор жил рядом с интернатом и с первого же дня отнесся к огромному юноше, словно к родному внуку. В итоге Гарри половину времени, выделенного на внепрограммные занятия, тратил на своего обожаемого наставника по мануальной терапии, а половину – на усовершенствование навыков ближнего боя. И тоже весьма радовал знаменитых сэнсэев.

Но в Танти оба наставника вообще душу вкладывали. Хотя порой делали это так настойчиво и наглядно, что у юноши неделями болело все тело, и оставалось только удивляться, как он до сих пор избежал многочисленных переломов и пожизненных увечий. Да и тренировали его шестидесятилетние мастера по отдельной программе. Три раза в неделю четырехчасовые занятия и сколько влезет или хватит сил – для самостоятельных тренировок. Порой по воскресеньям они по очереди совершали с ним затяжной шестичасовой марш-бросок по окружающему лесу, а там были места страшнее, чем некоторые полосы препятствий для Дивизиона. По крайней мере, так утверждали сами наставники, служившие в свою бытность в этом элитном воинском подразделении.

Тантоитаном они открыто гордились и всегда ставили его в пример другим ученикам. А торжественное обещание дать свои рекомендации огласили еще месяц назад. Отдельно предупредив, что подобной своей привилегией они прежде еще ни разу не пользовались.

Именно этот момент и вызывал наибольшую восторженность у Танти: только ему и сразу оба! Неужели он и в самом деле достиг таких высот? Хотя ночное происшествие доказало: достиг!

Уже двигаясь бегом через лес, юноша с горечью осознал, что и это событие придется скрыть от наставников. При всей любви к нему они могли сообщить полиции имя единственного свидетеля и непосредственного участника событий. И тогда – прощай надежды! Если все сложится благополучно, можно похвастаться и после окончания училища.

Танти принял такое решение, уже переходя на диво пустынный зал и направляясь к личному кабинету наставников. Издали он увидел лишь одного паренька, который с сумкой наперевес покидал здание.

– Эй! Где все? Почему нет занятий? – окликнул он его.

– Наставники отменили. К ним какой-то старый друг в гости пожаловал.

Это известие несколько охладило пыл спешащего юноши, но и отступить было не в его привычках. Тем более что он и так предупреждал о доставке гербовых бумаг именно сегодня и получил предварительное согласие.

Уже приблизившись к двери и начав стучаться, он расслышал, как с той стороны сразу стих громкий смех, и вскоре на пороге возник один из наставников:

– А, это ты! – видимо, он и так собирался выходить, потому что и второй наставник стоял за его спиной, а где-то за ними наполовину просматривалась фигура их гостя.

– Да, я. – Танти отступил несколько шагов в зал и вытянул перед собой папку. – Вот принес официальную форму для рекомендаций.

Оба наставника в унисон поощрительно хмыкнули, забрали папку, похлопали юношу по плечам, проходя мимо, и не пожадничали на хвалебные отзывы:

– Вот, наш лучший ученик!

– Эх, нам бы таких десятков!

– Хотя его товарищ тоже феноменальный боец.

– Но этот – лучший! Наша гордость!

– По большому счету, можем утверждать, что у тебя в его годы такого результата не было.

– Подтверждаю!

И вот тут подал свой голос их «старый друг»:

– Издеваетесь, старые мухоморы! Не вы ли утверждали, что лучше меня не было, нет и не будет?

Они дружно втроем рассмеялись, а Танти никак не мог сбросить с себя оцепенение. Пред ним стоял, двигался и разговаривал живая легенда современности, командир Дивизиона, самый лучший воин Оилтонской империи Серджио Капочи. Повезло когда-то увидеть его по визору в момент вручения очередной награды, и это лицо навсегда врезалось в память. Спутать не получилось бы при всем желании.

Короткий обмен репликами завершился, и командир Дивизиона опять уставился на юношу:

– Ха! Да ты никак меня узнал?

– Так точно! – выпалил по-уставному Танти, расправляя плечи и поднимая подбородок. А один из наставников одобрительно кивнул на такой ответ и пояснил:

– Отправляется поступать в имперское училище космодесанта.

– Так что вскоре жди пополнения в свой Дивизион, – хитро прищурившись, продолжил его коллега. – С его напористостью и усердием он и там быстро карьеру сделает.

– Ага! – засмеялся Серджио. – Может, он еще и на мое место метит?

– Вполне! Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

– Вот старые мухоморы, так и норовят обидеть, – шутливо и доверительно пожаловался он Тантоитану, словно старому приятелю. – Наверняка еще помнят меня желторотым салагой и теперь жалеют, что в то время на мой кулак не нарвались.

Он по-хозяйски пощупал ладони юноши, вдавил бицепсы и слегка помял цепкими как клещи пальцами пресс, раскачивая головой при этом в явном сомнении:

– Что в нем особенного?

– Хо-хо! Да ты уже и зрение терять начал, – засмеялся один из наставников. – Этот парень напоминает бочку с порохом.

– Да? Прямо-таки и бочку? Ха! Ну, тогда пусть он покажет, как взрывается, – неожиданно предложил легендарный воин, выходя в зал и делая несколько разминочных движений плечами. – Заодно гляну, чему вы тут молодежь учите.

Наставники явно заволновались, высказывая сомнение:

– Так он ведь только пришел...

– Без разминки...

– Разве вы не учите постоянно находиться в боевой готовности? – с ехидством хмыкнул главный куратор всех имперских сил безопасности и встал в классическую защитную стойку: – Нападай!

Команда прозвучала резко и требовательно. Тренированные мышцы Тантоитана сразу вскипели огнем, и он крадущейся поступью стал сдвигаться наискосок к замершему сопернику. Со стороны наставников одновременно вырвались соперечающие вздохи, и они синхронно отпрянули в стороны. Все-таки они прекрасно осознавали неравенство в силах, но в то же время понимали, что вреда их ученику подобный спарринг не нанесет. Серджию просто обязан был проконтролировать как каждое свое движение, так и весь ход начинающегося поединка.

«Разве это поединок? – успел подумать юноша. – Он ведь меня просто размажет по залу! Но и опозориться нельзя: получится, что зря наставники нахваливали... Если я его хоть коснусь одним ударом – это уже будет победа!»

Он не стал ждать и сразу после этого провел самый сложный каскад боевых ударов, которым обучили его наставники. И только слегка обозначив отход в оборону, повторил весь каскад в другой комбинации. Брови Серджию покровительственно поднялись вверх, но губы тронула благодушная улыбка: все удары малолетнего ученика он отбил и блокировал играючи. И Танти с какой-то внутренней дрожью интуитивно осознал, что перед ним самая уникальная и безотказная машина для убийства себе подобных. Только приблизиться по мастерству к этому человеку считалось бы настоящим подвигом, а уж победить его в бою... Та еще головоломка!

Да только Танти перестал бы уважать сам себя, если бы не попробовал все, что у него имелось в арсенале. Тем более что понял: Серджию Капочи атакует лишь для остротки, чтобы не наглел и не зарывался. Убивать или калечить он его не станет. И у юноши имелась одна опаснейшая заготовка, над которой он, не признаваясь в этом даже наставникам, бился на самостоятельных занятиях. Нечто подобное он подсмотрел в одном из древних мультфильмов про киборгов: удар в прыжке вперед, переходя в красивое сальто с прямыми ногами вверх, с подвороткой туловища в отношении к противнику, как соотносятся две цифры в числе шестьдесят девять, и на самом пике этого движения летящее вниз головой тело должно сложиться, как ножницы. При этом ступни били противнику в голову, а соединенные кулаки в пах. Для себя этот прием Танти назвал «вертонож» и усиленно отработывал на Гарольде, которому из-за большой массивности такие акробатические трюки даже и не снились.

Само собой, что и несколько огромных минусов подстерегали бойца, проводящего такую рискованную атаку. Если противник о ней знал, то мог, сгруппировавшись, поставить блок ногой против кулаков, плечом отбить удар ногой и сам нанести чуть ли не смертельный удар по жизненно важным точкам. Да и последующий выход из подобной атаки требовал невероятной ловкости: приходилось падать шеей, спиной или лопатками и сразу вращаться в сторону, уходя

с линии атаки противника, если тот остался на ногах. То есть «вертонож» считался разовым приемом, его надлежало проводить только единожды и в самой безвыходной ситуации.

Вот такая ситуация и настала. После очередного каскада ударов Танти продолжил атаку и взвился в своем неожиданном сальто. Кажется, даже успел заметить изумление, мелькнувшее на лице командира Дивизиона, и в следующий момент сложился ножницами. Гарольд клялся, что от такого удара уйти нельзя. Но он ошибся: Серджио Капочи ушел. Но не полностью! Ему все-таки изрядно досталось по скуле ногой, и он даже ухнул от неожиданности. А потом с возмущенным рычанием пошел сам в атаку. Как Танти увернулся от нескольких его убийственных ударов, он потом и сам сообразить не мог. Только и осознал себя катящимся, неритмично подпрыгивающим, как кубик. А потом до его слуха донеслись требовательные крики наставников, резкие, пронзительные звуки ручных пищалок, которые использовались для сигнала окончания боя, и наступила полная тишина. В мозгу Танти запечатлелась эта историческая картина: он сам замер в полуприсяде, боком, готовый уйти в заднее сальто, а отстоящий от него за три метра командир Дивизиона расслабленно выпрямляется, гася в своих глазах красноватые огоньки бешенства, и потирает слегка порозовевшую скулу.

Пронесло! Кажется...

Оба наставника бросились именно к юноше, с изумленным недоверием ощупывая и переговариваясь:

– вроде цел!

– Ни царапины! А ведь убить мог пацана сдури!

– Ему ведь в училище поступать! Как бы он с переломами?..

– Ржавчина б тебя сожрала, Серджио! Нельзя же так!

Лучший воин современности с возмущением завопил в ответ:

– Как нельзя?! Мне какой-то сопляк чистит рожу, а я должен на него молиться и пыль стряхивать? Ха!

Но теперь уже оба преподавателя боевых искусств повернулись к нему и стали ерничать:

– Кто-то тут распинаясь про то, что надо быть в постоянной боевой готовности...

– Кто-то всегда твердит, что он никогда не расслабляется...

– Ладно, ладно, подловили, старые... хм, хитрецы! Теперь считайте, я все понял, осознал и предлагаю вам переехать в столицу. Нечего вам в этой дыре прозябать, когда у меня бойцов тренировать некому. Согласны?

– Ну так ведь... – начал с сомнением один, но коллега резко прервал его на полуслове:

– Ну, раз надо – значит, сделаем! Подавай рапорт на наш перевод со всеми семьями.

– О-о-о, я и забыл, сколько вам внуков детки нашлепали, – запоздало взгрустнул Серджио и опять потер скулу. – Но это все – брызги. Вы мне лучше объясните: что этот сопляк недавно против меня вытворил?

Опять наставники повернулись к насупившемуся юноше, подбадривающе улыбнулись, пригнулись к его ушам и шепотом обратились, словно к родному внуку:

– Давай, Танти, покажи и растолкуй этому задаваке из столицы свой секретный трюк.

– Но учти, по законам боевого братства ты можешь отказаться раскрывать секреты собственных наработок.

– И не сомневайся: рекомендации в любом случае ты от нас получишь.

– Если решишь отказаться, то помни о корректной форме своего отказа.

– Мы в тебя верим...

– И гордимся!

Тантоитан вначале традиционно поклонился учителям, потом высокому гостю, шагнул к нему ближе и начал объяснять:

– Боевой прием называется «вертонож», производное от двух слов...

Глава 5

3588 год, 25 мая, Оилтон, Старый Квартал

Император Павел стоял у огромного, во всю стену окна, украшенного витражами, и совсем по-простецки в задумчивости теребил изрядно покрасневшую мочку уха. Похоже, он сильно волновался и никак не мог принять единственно верное решение.

– Надо же такое вбить себе в голову! – воскликнул он с досадой, поворачиваясь к присутствующим. – И что я, по-вашему, должен теперь делать?

Обращался он к трем мужчинам, которые могли и даже были обязаны дать совет по любому, пусть даже самому интимному семейному вопросу. Не говоря уже про всегалактические или общеимперские проблемы.

Проблема вкратце была в следующем. Его двадцатитрехлетний сын Януш, номинальный и общепризнанный наследник династии Реммингов, был к этому времени уже умнейшим и всесторонне развитым человеком, образованным политиком, талантливым ученым и гениальным разработчиком и мог со временем умело перехватить бразды правления огромной империей. Да вот только уже лет десять, еще при жизни его матери императрицы Клавдии, принц дал всем неожиданную, абсурдную с точки зрения родителей и здравого смысла клятву никогда не надевать на себя корону. А после гибели матери во время покушения на императорскую семью шесть лет назад еще более категорично повторил свою клятву. Знали, естественно, об этом только самые близкие к императору и преданные государству люди, но в связи с этим теперь каждый из информированного круга лиц имел постоянную головную боль. Потому что воспитание достойной смены на таком посту – дело не одного года и даже не десятилетия.

Конечно, и все они, и сам император, который был полон сил в свои пятьдесят два года и мог править хоть до восьмидесяти, очень надеялись, что со временем Януш поменяет свои жизненные приоритеты и осознает наложенную на него с рождения обязанность. Да и самые неожиданные события могут поменять убеждения наиболее отъявленных опровергателей потомственной власти, к коим и принадлежал наследный принц. Ну а пока молодой ученый принимал активное участие во всех семейных совещаниях, стараясь быть максимально полезным, но большую часть времени проводил в своих научных лабораториях и на производственных полигонах. А на любого нового встретившегося у него на пути человека смотрел в первую очередь как на возможный кладезь научных идей. И если встреченный не знал различия между интегралом и изотопом, то в таком случае принц жалобно восклицал: «Это не ко мне, обращайтесь к отцу!» – и больше никогда с подобным человеком старался не пересекаться.

Его единственной слабостью, на которой можно было попытаться хоть как-то сыграть, являлась только горячая братская любовь к единственной сестричке. Малолетнюю принцессу он более чем обожал, потакал всем ее слабостям и капризам и опекал горячее и нежнее, чем так рано ушедшая из жизни мать. Причем лично прочил сестре в будущем титул императрицы и ради этого готов был сделать все, что угодно.

В общем-то, принцессу баловали и обожали все, но именно ее воспитание как будущей императрицы и было немалой головной болью. Переживания по этому поводу сейчас легко читались не только на лице принца Януша, но и еще двоих присутствующих мужчин: маркиза Винселио Грока и командира Дивизиона Серджио Капочи. В данный момент они все втроем пытались помочь императору с окончательным решением вопроса о дальнейшей судьбе юной принцессы. Обсуждалось место ее дальнейшего обучения.

Дело в том, что Патрисии Ремминг исполнилось пятнадцать лет, она получила среднее образование и теперь была решительно настроена на самостоятельный выбор в направлении своего дальнейшего усовершенствования. В принципе, такое желание не противоре-

чило ни законам, ни чаяниям родственников и близких. И все бы ничего, но девочка, которая еще совсем недавно соглашалась на поступление в престижнейший университет международных отношений, где учились элитные дипломаты, будущие министры и потомственные главы финансовых или экономических корпораций, пять дней назад неожиданно изменила свое решение, чем довела своих родственников и опекунов до морального шока. Она вознамерилась поступать в военное космодесантное училище.

Причем настаивала на изменении имени, что вообще-то и так разрешалось каждому курсанту, прошедшему испытания и сдавшему вступительные экзамены. Требовала приписать ей лишний год, потому как в училище принимали только после шестнадцати лет. Ну и хотела, чтобы вокруг нее больше не мелькали надоевшие телохранители, учителя боевых искусств, которые мешали ей прочувствовать самостоятельность и переход к взрослой жизни. Требования принцессы, да и сам факт изменения ее судьбы, и обсуждались на малом семейном совете.

Принц Януш высказался категорически против:

– Нельзя! Этот каприз Патрисии переходит границы здравого рассудка. Жить в казарме, по соседству с грубыми, сексуально озабоченными переростками, которые только и знают, что качать свои мускулы да зубоскалить, – подобное недопустимо даже для простушек из крестьянских семей. Ее там могут покалечить, как морально, так и физически. Язык не поворачивается предположить нечто более страшное... И как она потом с исковерканным, извращенным солдафонской тупостью и ханжеством сознанием сможет управлять империей?! Отец, запрети немедленно эту блажь! Потомки тебе не простят! Я – тоже!

Опытнейший политик и управленец, император Павел с ходу в карьер попытался воспользоваться пламенным возмущением сына:

– Хорошо! Патрисия продолжит обучение только там, где укажешь ты. Но при одном условии: ты освобождаешь сестру от ноши управления империей и сам становишься преемником власти. Согласен?

Януш с пронзительным укором посмотрел на отца и воскликнул:

– Так нечестно! Твое величество ведет себя как прожженный циник и пытается использовать мою братскую любовь для достижения своих целей.

– Благо империи для нас всех должно быть смыслом существования. И свою любовь к сестре ты должен доказывать не словами, а конкретными поступками и готовностью жертвовать собой для ее блага и спокойствия. Готов создать ей условия для спокойной и беззаботной жизни? Молчишь? Вот и проявляется твой эгоизм: для себя выбираешь дорогу полегче, а для сестры – самую тяжкую и ответственную.

Повисшее напряженное молчание прервал маркиз Винселио Грок. Сердито нахмутив брови, он сказал:

– Я тоже осмелюсь напомнить его высочеству, что он не горит желанием обучаться государственным делам и только в страшных снах видит себя преемником престола. Что ж, дело житейское, насильно править не будешь. Не менее категоричную позицию занял и его величество, – маркиз демонстративно склонил голову в сторону своего великовозрастного воспитанника. – После гибели супруги он дал клятву больше не жениться и как истый пуританин не заводить детей вне брака. Это его личное дело. Но позвольте мне спросить: а кто готов принять престол в случае необходимости? А? Оказывается, никто... кроме принцессы? А что случится, если и она вдруг не примет на себя ответственность за империю? Ясно – полный хаос и кровавая гражданская война. Так что мое твердое мнение: пусть ее высочество сама выбирает, как и что ей изучать в первую очередь. По мне, так ей пригодится абсолютно все. А самый главный фактор в этом вопросе для меня в том, что данное училище находится на Оилтоне, совсем рядом со столицей. Так что в случае неблагоприятного психологического давления или угрозы физической травмы мы в любой момент можем выдернуть Патрисию прямо сюда.

Император прекратил мучить свое несчастное ухо и покосился на сына:

– Все-таки я тоже опасаясь, чтобы моя дочь не попала под чьи-то оскорбления или, того хуже, физические домогательства. Девушки там тоже проходят службу и, по всеобщему мнению, не отличаются повышенной нравственностью. Но они ни в какое сравнение не могут идти с наследницей престола. Так что...

– Понимаю, и для этого предприиму дополнительные превентивные меры, – в знак подтверждения своим словам маркиз демонстративно постучал кулаками по столешнице. – Обязательно наведаюсь в училище с обычной инспекционной поездкой как раз к моменту парадного построения принятых на обучение курсантов. Доведу до командования новый указ императора про повышение морального облика в начальных войсковых образовательных заведениях и без обиняков намекну самым ретивым сержантам и младшим командирам, что именно в их среде я поищу первых козлов отпущения. А потом накажу для острастки всей армии. Думаю, этого будет достаточно для ликвидации любых неуставных отношений в училище.

– Хм, указ хорош, спору нет. Кажется, я его уже подписал, – правитель Оилтонской империи повернулся к командиру Дивизиона. – Ну а что нам скажет полковник Капочи?

Традиционно на должности командира элитного Дивизиона не мог находиться военный со званием старше полковника, какие бы другие высочайшие посты он ни занимал. Серджио это вполне устраивало, все равно обращение «господин главный куратор» сразу ставило его гораздо выше любого маршала. Различалось три обращения императора к начальнику дворцовой стражи: по имени – для самых интимных разговоров; по званию – для решения семейных проблем, и по должности – для строго официального, протокольного общения.

Сейчас от Серджио требовался совет как от самого информированного с воинской точки зрения члена семьи. Поэтому он начал с недавней, страшно всех взволновавшей истории.

– Попытка проникновения на территорию интерната группы виконта Земя показывает, что ни в каком месте, куда бы мы ни спрятали Патрисию, она не будет в полной безопасности. По счастливой случайности и стечению некоторых, до сих пор не выясненных обстоятельств, сам Земя, его сын и племянник погибли, как и все члены их бандитской шайки. По заключению аналитиков, которое они мне вручили по дороге сюда, складывается мнение, что больше ни единого сообщника в свои планы предатель-виконт не посвящал. Похищение и все последующие шаги они намеревались совершать только с участием родственников и самых преданных телохранителей. Племянника уничтожили вместе с флайером, Земя с сыном сожгли вместе с их космической яхтой, так что во время скоротечной погони они никому ничего не успели сообщить. Теперь об их конкретной цели нападения знаем только мы.

– А тот неизвестный вор-патриот? – напомнил император.

– Он совершенно случайно, но невероятно вовремя оказался в том самом нужном для нас месте. Поэтому ни сном ни духом не мог догадаться о намерениях преступной группировки виконта Земя. Сделал свое благое дело и наверняка до сих пор улепetyвает без оглядки. По всем выкладкам проведенной экспертизы удачливый Робин Гуд даже примерно не предполагал об имеющемся у его противников вооружении.

– Остаются шансы его разыскать?

– Вполне, ваше величество. Но разве это так важно?

– Еще бы! Ведь ему положена награда из моих рук за спасение единственной дочери императора.

– Поиск продолжается. Но вернемся к утечке информации о местонахождении Патрисию. Если она поступит в училище, то это будет самое последнее место, где ее станут разыскивать наши враги, аферисты или вымогатели. Ни в коем случае не пытаюсь огульно защищать честь мундира, хочу, тем не менее, тоже возразить его высочеству: не все военные тупые солдафоны или разложившиеся морально личности, – глядя, как принц Януш в ответ поднял обе руки ладонями от себя, как бы признавая свою ошибку, Серджио удовлетворенно кивнул и продол-

жил: – В высоких моральных качествах как имеющихся защитников отечества, так и будущих курсантов я имел честь убедиться неоднократно. Причем и в последнее время тоже.

Император Павел уселся за стол вместе со всеми и, наморщив лоб, еще кое-что припомнил:

– А что там выяснили по поводу тренировок Патрисии с соучениками?

– Ничего страшного. Обычный юношеский максимализм и попытка самоутвердиться в любом споре или конфликтной ситуации. Как доложил Немой, основные тренировки начались на почве ревности к лошадям и каурому жеребцу, которых некоторые ребята сразу правильно оценили и полюбили. А потом появилась Патрисия и без всяких раздумий постаралась подгрести только под себя свою собственность. Это некоторых очень возмутило, ведь они и представить не могли, что доставленные временно в интернат животные – личная собственность принцессы. Слово за слово... а вы ведь знаете, насколько своенравна ваша дочь.

– Да уж.

– Вот и появились у нее недоброжелатели. Особенно один юноша с ней заелся на встречных пикировках. Как заметил Немой, в разжигании конфликта наверняка еще сказывается и детская влюбленность, которая таким вот способом, в виде споров и грызни, проявляется между воспитанниками.

Принц Януш скривился:

– Серджио! Вы хотите сказать, что моя сестра вспылала симпатиями к какому-то детдомовцу?

– Нисколько. Но даже при позитивном ответе на этот вопрос хочу заметить, что уже сегодня они разъедутся по всей империи, чтобы никогда больше не встретиться. А надлежашая муштра и плотный распорядок дня Патрисии в училище быстро выбьют из ее чудесной головки любые воспоминания о смазливом однокашнике.

– Он и в самом деле настолько симпатичный?

– Ха! Делать мне больше нечего, как рассматривать личные дела и любоваться фотографиями каждого воспитанника.

– А следовало бы! – пожалуй, только принц и не питал к командиру Дивизиона всеобщего уважения как к лучшему воину современности. Аналогично и Серджио относился к наследному принцу как к одному из многочисленных, ничем не примечательных ученых.

– Вот пусть твое высочество этим и займется от безделья.

– Ну все! – император требовательно стукнул ладонью по столешнице. – Раз дело идет к семейной драке, значит, пора принимать окончательное решение. – Он внимательно всмотрелся в лицо каждого из советников, пытаясь прочесть скрытые эмоции, и возгласил: – Пусть попробует себя испытать. Не выдержит трудностей и сбежит – используем на благо общего дела. Закалит свой характер и научится работать в едином строю – еще лучше. Что-то пойдет не так – мы всегда успеем исправить перекося. Так что пусть поступает. Телохраниителя Немого перевести в другое место. На должности сержанта и первого командира постараться поставить наших людей. Можно сделать и так, чтобы они ничего конкретно не знали о принцессе, а раскрыть эту тайну лишь при определенных обстоятельствах. В общем, продумайте сами, не мне вас учить. А ты, – император обратился к Янушу, – обеспечь ее парочкой самых последних новинок из современных разработок. Пусть твоя сестра всегда имеет под своими пальчиками оружие последней надежды.

– Можешь не сомневаться, – принц понял, что семейный совет окончен и он может удалиться в свою лабораторию, – Патрисия беззащитной не останется.

Глава 6

3588 год, 31 мая, Оилтон, училище

Друзья старались постоянно держаться рядом, потому что после получения рабочей курсантской формы все стали похожи на близнецов: мешковатые, гротескные и неуклюжие. Но во время нудных медицинских осмотров их разбросало по всему огромному госпиталю, где претенденты проходили обследования. Поэтому когда Танти появился в огромном холле, где они договорились ждать друг друга в подобном случае, то даже обрадовался, что он первым вырвался из лап дотошных врачей и строгих медсестер. В собственном здоровье он нисколько не сомневался, но мало ли что эти эскулапы надумают! Друзей же оставалось только пожалеть. Если даже «стального» Гарольда до сих пор не видно, то можно представить, как военные медики пристально будут ощупывать и простукивать субтильного Романа. Если вообще сразу не отыщут в его теле синдром неизлечимой дистрофии. Но если Зайца до сих пор здесь не видно, значит, надежда на благополучный для него исход еще остается.

Танти несколько раз прошелся по холлу, красуясь своим новым бейджиком с символом из одной буквы и трех цифр и присматриваясь к другим кандидатам, тоже успевшим пройти медицинское обследование. До окончательного оглашения результатов экзаменов всем будущим космодесантникам запрещалось обращаться друг к другу иначе, чем по двум или трем последним цифрам. Архаичная традиция, но всем она нравилась и неукоснительно соблюдалась. Ни титулы, ни громкие имена, ни дворянские фамилии здесь вовсе в расчет не принимались и в заслугу не ставились. Это уже после зачисления курсант был вправе выбрать новое имя на время учебы или оставить прежнее. А в данный момент все юноши и девушки были равны перед строгой беспристрастностью экзаменаторов и ценились только по багажу собственных знаний, физической силе и воле к победе.

При мысли о воле к победе Танти непроизвольно заулыбался, вспоминая, как ловко они с Гарольдом провели операцию «рыбалка». Их друг Бровер до сих пор пребывал в шоке и никак не мог понять, почему он должен вместе с этими «двумя идиотами!» поступать в учебное заведение для «полных идиотов!». Так неліцеприятно Заяц отзывался обо всех вояках вообще и о желающих среди них оказаться в частности. И до сих пор несчастный Роман с бешеным усердием прогонял в мыслях все свои действия по программированию и пытался отыскать свою фатальную ошибку. Потому что спор он проиграл: его программа не смогла «прогрызть» самые сложные уровни защиты, и биографии всех воспитанников интерната так и не стали известны трем заговорщикам.

Бедный Заяц! Он и представить не мог, как грамотно и незаметно друзья вылавливали его троянов из Сети, безжалостно их уничтожали, а потом с откровенным сочувствием кивали, выслушивая жалобы и ругательства компьютерного гения. Танти и сам прекрасно ориентировался в виртуальном пространстве инета, а Гарольду ставилась лишь задача увести Романа на определенное время из комнаты.

Вот и оказался субтильный и малахольный на вид Бровер в окружении крепких парней и ловких девиц, которые постеснялись бы даже драться с таким жалким соперником. И хотя желания к поступлению в военное училище у Зайца не было ни малейшего, как человек последовательный и ответственный он дал товарищам слово приложить все свои силы, знания и умения, чтобы попасть в ряды космодесантников. То есть специально прикидываться ветошью он не собирался, а все остальное два его друга взяли на себя. Систему и порядок приема они знали назубок.

Другой вопрос, что дружную парочку основательно заедала совесть. Как хитрецы ни радовались присутствию проверенного друга рядом с собой, все равно его несчастная физио-

номия по дороге на Оилтон служила им живым укором. Оставалось только надеяться, что со временем Роман все узнает, спокойно примет страшную правду и найдет в себе силы простить. Тем более что и друзья утешали себя вполне оправдательными рассуждениями:

– Все равно он без нас бы пропал!

– Точно! Он же не приспособлен к гражданской жизни! А тут его накормят, спать уложат, скажут, куда надо бежать...

– ...С автоматом и гранатами!

– Ага! Еще и благодарить когда-нибудь станет!

– И в ножки поклонится... если убежать не успеем.

И вот сейчас, стоя в огромном холле центрального здания училища, Тантоитан представил себе, как разъяренный Заяц, поблескивая очками, с тяжеленным автоматом несется по полю за безоружными друзьями и яростно выкрикивает: «Сейчас! Сейчас я вас отблагодарю...» От такой картинки его обуял дикий смех, заставивший окружающих посмотреть на юношу с явным недоумением. Но юноше было плевать. Никто не сможет ему испортить прекрасное настроение! Никто, кроме... Он так и замер с открытым ртом, лихорадочно соображая, что с ним происходит.

«Кажется, подобное называется дежа-вю! Или, с точки зрения психотерапевтов, параноидальный синдром преследования. Видимо, я подцепил неизвестную болезнь, и мне теперь наяву мерещится кошмар».

Он сильно зажмурился, а потом одновременно захлопнул рот и открыл глаза. Ничего не изменилось: кошмар не исчезал. Перед ним все так же стояла в новенькой топорщащейся форме кандидатка в космодесантницы, и лицо ее страшно походило на...

– Клеопатра?!

– Тсс! Ты чего орешь? – чуть не закрыла ему рот ладошкой девушка, присматриваясь к его бейджику. – Нельзя обращаться по именам, номер двадцать пятый! – и демонстративно указала пальчиком на свой: – Видишь, какой мне уникальный попался: три тройки.

Танти к тому времени уже пришел в себя, осмотрелся из середины холла, где стоял, по сторонам и понял, что иначе как специально к нему приблизиться было нельзя. Значит, Клеопатра использовала для этого и свою форму, и более высоких парней, за спинами которых удачно пряталась. Оставалось только выяснить – зачем? Ну и попутно еще целую кучу вопросов задать: как она здесь оказалась, сколько ей лет, на что она надеется и т. д. и т. п. Но ни на один из этих вопросов он не получит ответа, если, как обычно, начнет очередную перепалку. Школа осталась позади, теперь они взрослые и самостоятельные, поэтому и вести себя надо солидно. Да и вообще к любому неприятелю следует применять военную хитрость. Тщательно подбирая слова, он похвалил:

– Да-с, солидный тебе номер попался. Говорят, что с тремя тройками больше всего везет на экзаменах.

– Правда?! А я и не знала! Вот спасибо, что утешил. Меня больше всего физика и химия беспокоят, – доверительно призналась девушка, словно лучшему другу. Хотя если она вообще здесь ничего и никого не знает, то любая знакомая морда родственником покажется. Пришлось продолжить в том же духе:

– Гуманитарные науки здесь мало кого прельщают. Можно вообще не сдавать. Главное, в других дисциплинах и умениях максимум баллов набрать.

Действительно, поступающим предлагалось пятнадцать позиций, из которых только две были обязательными, а еще десять выбирал сам кандидат, подавая заявку поздним вечером после медицинского осмотра. Вполне понятно, что каждый выбирал по своим силам и знаниям. Видимо, девушка об этом знала прекрасно, потому продолжала откровенничать:

– Мне лучше в физических единоборствах или знании оружия не рисковать, а по остальным предметам я намного больше школьной программы знаю.

– По математике? Истории? – засомневался Танти. Насколько он помнил, бывшая соученица в этих дисциплинах особо не отличалась.

– Надеюсь по ним получить максимум баллов. А в интернате я просто не хотела слишком выделяться. Зато твои знания меня поражали, всегда с удовольствием слушала, как ты выдаешь такие данные, которых и учителя не знают. – Она признавалась в подобных вещах так просто и естественно, что юноша заподозрил невесть что, и ему в голову стали лезть дурные мысли. Как говорится, на воре и шапка горит.

«Ее специально ко мне подослали! Наверняка пронюхали, что мне нет шестнадцати, и решили устроить показательное разоблачение! Этой пигалице скорей всего тоже не хватает, и она таким образом хочет получить прощение за свой обман. Точно! Иначе с чего бы она вдруг такая шелковая и пушистая стала, словно к ране прикладывает».

– Э-э-э... – начал он мямлить вслух, но тут же рассердился, взял себя в руки и твердо решил разоблачить стоящую перед ним девушку во всех смертных грехах: – Никак не ожидал тебя здесь увидеть.

– И я тебя тоже! – но ее глаза лгали. Очень даже ожидала!

– А кто у тебя в опекунах? Или есть родители?

– Увы... – дернувшийся уголок губы выдал ее колебания. – Вообще-то, есть отец, но он так далеко и так страшно занят.

– И больше никого из родни?

– Старший брат. Но про него можно сказать: откушенный ломоть.

– Правильно: «оторванный», – машинально поправил юноша. – Наркоман, что ли?

– Нет! Ты что! – поспешность ответа показала, что брата она очень любит. – Просто он «выпал» из нашего мира в мир науки. Да и я теперь уже вправе сама решать свою судьбу, так что я у них и не спрашивала разрешения. А мама... – резкий вздох, – умерла. А у тебя?

Вопросы о своем прошлом Танти страшно не любил, но сейчас вроде как промолчать было некрасиво. Ведь и у девушки мамы нет, значит, тоже сирота. А это всегда, пусть даже произвольно, но сближает. Поэтому он постарался ответить не слишком резко и односложно:

– Полный сирота.

– А как с опекунами?

– С одними не сложилось, вторые погибли.

– А-а-а?..

– Гарольд мне как брат родной. И вот Рома – тоже. – И неожиданно даже для самого себя спросил: – А тебе здесь не страшно?

Клеопатра окинула вокруг себя взором и беззаботно пожала плечами:

– Чего здесь бояться? Тот же интернат, только больше парней, и все накачанные, спортивные такие. Да и девчонки как на подбор.

– Вот именно, – он многозначительно показал подбородком вслед внушительной девице, которая как раз прошла мимо. – Такие в обиду себя не дадут. А вдруг тебя кто надумает оскорбить? Или...

– Ха! Да ты себе представить не можешь, у каких я великих мастеров приемам самообороны училась. И нападать умею.

– Все равно. Ты только глянь на этих костоломов.

– Справлюсь! – самоуверенно выдала Клеопатра и после короткой паузы добавила: – В крайнем случае, меня защитят.

Танти сразу напрягся: вот сейчас станет известно, с кем она сюда прибыла и на кого рассчитывает.

– Кто именно защитит?

– Как кто? Ты! – она удивленно на него уставилась: – Или ты будешь мне до конца жизни вспоминать нашу детскую грызню из-за каурого?

– Да нет, что ты... Конечно, можешь обращаться в любое время, – он вдруг почувствовал в себе проснувшуюся злость: «Ну вот, мало того, что сам так ничего конкретного и не узнал, так она еще и в подзащитные напросилась! Оно мне надо? Да и вообще, пора прижимать ее более конкретными вопросами!» – И все-таки, почему ты решилась поступать именно в это училище?

Ее глаза раскрылись намного больше обычного:

– Мою маму убили террористы. Теперь я им всем отомщу.

– Понимаю. Похвально. Но ведь тебе... – он оборвал себя на половине фразы, вдруг с предельной ясностью представив, что если он догадывается о ее настоящем возрасте, то и она тоже могла раньше как-то заглянуть в картотеку и запомнить его год рождения. И даже при простом обмене подобными вопросами о нормальных отношениях можно будет забыть. Если чего хуже не произойдет. Поэтому продолжил говорить совершенно о другом: – ...Ведь тебе наверняка предоставили на выбор и другие специализированные военные училища. Окончив их, ты бы больше нанесла вреда именно террористам. А вот космодесантники...

– Да знаю я. Но, помимо прочего, я страшно люблю космос и мечтаю побывать на диких и неустроенных планетах. А мы ведь каждые полгода будем выбираться в космическую глушь на практику и учения. Правда, здорово?

– Да, романтика... – он хотел добавить еще, что во время этих учений, как правило, гибнут один, двое, а то и трое курсантов, но не успел. Со спины Клеопатры к ним спешили его довольно улыбающиеся друзья с бейджиками на груди. Они пока только удивленно поднимали брови, видя, что он разговаривает с девушкой, но еще не рассмотрели, с кем именно. Поэтому Танти поспешно спросил: – А кого еще из нашего интерната ты здесь видела?

– Да никого, кроме вашей тройцы. Кстати, а где Гарольд и Ромочка? Неужели не прошли комиссию?

Она не видела, что оба ее недавних соученика стоят уже чуть сзади от нее по бокам с вытарашенными от удивления глазами, пытаясь осознать увиденное.

– Увы, ни Ромочки, ни Гарольдика больше нет, – с грустным вздохом огласил юноша, приглядываясь к нагрудным знакам своих друзей. – Вместо них теперь в нашем мире существуют претенденты номер четыреста один и номер ноль-ноль-восемь. А вас, ребята, хочу познакомиться с претенденткой под номером три тройки. И тсс! Никаких имен!

Пока худенький Бровер сглатывал заполнившие ему рот слюнки, Гарольд опомнился первым, буркнул слова приветствия и с подозрением прищурился:

– То, что ты здесь оказалась, меня удивляет меньше, чем ваше мирное собеседование.

– Чему тут удивляться, – неизвестно почему решил вступить Тантоитан за девушку. – Детство прошло, смешные ссоры в песочнице пора забывать. Как говорится, кто старое помянет, тому глаз в ухо засунут. Да и повода для недоразумений у нас больше нет: каурых жеребцов в космодесантники не берут.

К тому времени состояния полной боевой готовности достиг и Роман:

– Как я счастлив тебя видеть, о, божественная номер триста тридцать три! Даже в самых смелых мечтах я не мог предположить, что нам вместе придется находиться в этом... несколько странном для таких прелестниц месте. Зато теперь ты можешь забыть обо всех трудностях и в любой момент призвать своего верного рыцаря на помощь по любому поводу.

– Призываю! – с пафосом воскликнула довольная девушка и рассмеялась: – Но призываю только к одному: разберись со своим другом ноль-ноль-восемь и попроси его больше на меня так не смотреть.

– Как? – скривился, словно от лимона, Гарольд.

– Как на главного врага империи. Тем более что мы с тобой никогда и не вступали в конфронтацию.

– Ну-у-у... – в сомнении затащил Амбал, косясь на своего друга.

– А с двадцать пятым номером мы уже и так помирились. Правда?

Причем спросила она с такой явной надеждой, что названный номер не посмел возразить. Разве лишь начал отвечать с подобного междометия:

– Ну-у-у... так ведь мы, вроде, и никогда особо не ссорились. А?

– Вот и здорово! – Такой счастливой Клеопатру еще никто не видел. – А сейчас предлагаю пройти в столовую и пообедать. Я знаю, куда идти и как зарегистрироваться. Пошли?

Роман первый шагнул к ней с полупоклоном и подставил локоть как истинный кавалер:

– Прошу вас, мадемуазель!

– Благодарю, мой рыцарь! – Клеопатра величественно подхватила Зайца под локоть и пошла с ним вперед. – Кстати, а в каком крыле вас поселили?

Прислушиваясь к их разговору, оба друга пошли следом, хотя Гарольд не удержался от ехидства:

– Слышь, двадцать пятый! Это случайно не ты уговорил половину нашего интерната на поступление именно в это училище?

– Очнись! Ты чего?

– Тогда как она здесь очутилась? Потому что Роман на такую подлость не способен, он и сам пять минут назад плакался, что не выдержит и сбежит немедленно.

– Сам ничего понять не могу, – Танти оглянулся и перешел на шепот: – Мне вначале показалось, что она специально к нам подослана следить и выпытывать. Так что ты присматривайся и прислушивайся.

– Чего мне присматриваться? Я сразу увидел, как ты уши развесил, с ней лялякая. Да только меня она своей болтовней не охмурит. Не посмотрю, что девчонка.

В подтверждение своих слов он сжал свой огромный кулачище и поднял на уровне живота. И как раз в этот момент они поравнялись с двумя претендентами, оглядывающимися на идущую впереди парочку.

– Ха! Ты только глянь на них: словно на панели прохаживаются! – скривился один. Второй поддержал его похабным смехом, и тут же оба впечатались в стенку от удара плечом Тантоитана. Вдобавок он еще и пригрозил:

– А в дыню не хотите?!

Если бы он еще сам на них вызверился, парни, возможно, нашли бы, чем возразить, но, скользнув взглядами по замершей с поднятым кулачищем фигуре Амбала, они беззвучно и молниеносно ретировались с места событий. Друзья двинулись дальше, но теперь уже Гарольд выглядел ошарашенным:

– Ты чего?

– Да ладно... – Танти и сам не мог понять своего поступка, чувствуя себя теперь очень неловко. Скорей всего его объяснения и не прозвучали убедительно: – Положено нашу бывшую соученицу защищать. Ведь целый год за одного жеребца сражались.

Его лучший друг надолго замолчал и только возле самой столовой глубокомысленно изрек:

– Придется мне теперь за всеми вами присматривать.

Глава 7

3588 год, 1 июня, Оилтон, училище

Вступительные испытания начинались с двух обязательных экзаменов, проводящихся в первый же день. Если по ним соискатель получал хотя бы раз ноль баллов из десяти возможных, то сразу сдавал полученную учебную форму, бейджик, получал на руки свои документы, и «прощай, огурчик!». Такими словами из популярной шуточной песенки остающиеся счастливики провожали неудачников.

Первый день сразу вводил будущих курсантов в самый боевой и насыщенный ритм жизни. Подъем в шесть утра, завтрак в полседьмого, а уже в семь с четвертью первые соискатели на звание курсанта группами по пятьдесят человек усаживались в кресла боевых симуляторов в специально оборудованных классах. Самые современные научные разработки применялись в данном случае для определения как потенциального умственного уровня испытуемого, так и разнообразных умений, свойств и качеств характера, а также для проверки на лояльность к империи и приверженность идеалам справедливости. Большинство деталей полу-часового теста-испытания каждый год видоизменялись и усовершенствовались, но в конечном итоге соответствовали самому главному: по десятибалльной шкале определялся уровень пригодности для несения службы в космодесанте.

Друзья знали об этом первом испытании только одно: надо быть честным и тяготеть к справедливости и во всех тестах и симулированных действиях только этим и руководствоваться. Тогда обязательно пройдешь дальше. Полученную оценку тебе вначале не скажут, только после зачисления, но если будет ноль – сразу «прощай, огурчик!». Как это ни странно, но на боевых симуляторах отсеивалось в среднем двадцать пять – тридцать процентов соискателей на право обучения.

Гарольд с Танти попали в первую группу. После испытания их выпустили в другой, внутренний двор. Видимо, не хотели, чтобы испытуемые заранее оглашали увиденное и прочувствованное тем, кто еще не побывал в симуляторах. Но во дворе друзья сразу посчитали: от пятидесяти человек осталось только сорок два.

– Вот оно как, – заволновался Танти. – Сразу отсылают, и попрощаться не дают.

– Чего ты дергаешься? – пожал плечицами Гарольд. – Роман без труда справится. Или ты за кое-кого иного переживаешь? – Заметив злой взгляд, обрадовался: – Никак я самым догадливым становлюсь...

– Ну и что? Нам подобное пройти – раз плюнуть, а ей? Вода, между прочим, вообще как натуральная была, холоднющая. У меня все тело сразу свело.

– Да? – оживился друг. – У тебя тоже ребенок с набережной сорвался?

– Ага! Кажется, они для всех одну и ту же программу запустили. Давай у остальных поспрашиваем.

Предположения оказались верными: всем давали новую, еще никем в прошлые годы не испытанную программу. Любой человек в симуляторе начинал «жить» насыщенной жизнью, уже начиная с третьего десятка секунд. Причем ситуации менялись со скоростью вращающегося калейдоскопа, и следовало быстро, правильнее сказать, спонтанно найти единственно верный выход из каждой ситуации. Чувствовалось, что над созданием данного испытания поработали самые лучшие имперские гении психоанализа, дидактики поступков и стимуляции скрытых желаний. И чем больше прошедшие испытание соискатели обсуждали собственные действия, тем более преисполнились уважением к создателям программы.

Из второй группы во двор вышло только двадцать девять человек. Из третьей и того меньше: двадцать пять. Половина! Волнение Тантоитана почему-то передалось и Гарольду,

поэтому он даже вздохнул с облегчением, когда в составе седьмой группы во дворе появилась жутко счастливая Клеопатра. Переживания и сочувствия сплывают. Между ними тремя обсуждение достигло пика в тот самый момент, когда стала выходить девятая группа. И они рывкнули дружное «ура» в три глотки, когда увидели раскрасневшегося Романа Бровера. Тот явно удивлялся своей удачливости, потому что сразу признался:

– Ребенка мне не удалось спасти. Самого какими-то сетями бородастые люди выловили...

– О-па! Что-то новенькое! – оживились друзья. – А потом?

– Потом я их всех перестрелял из автомата, – бледнея, признался компьютерный гений.

Больше всего это шокировало девушку:

– За что?!

Бровер передернулся от отвращения:

– Они жарили на костре женщину и ели ее.

– Да-а-а, это ты хорошо повоевал!

На удивление, для очень многих соискателей день оказался совсем неудачным: из пяти-сот явившихся на испытание симулятором на обед отправился только триста двадцать один человек. В этом году процент отсева оказался чрезвычайно высок. А ведь следовало еще помнить, что при начальном собеседовании половине желающих сразу отказали в приеме документов без объяснения причин и около трехсот кандидатов отсеяли при медицинском осмотре. Помимо этого впереди еще имела масса тестов, испытаний и экзаменов. Максимум пессимизма по этому поводу выказал Роман:

– Пока мне повезло случайно, а вот после марш-броска нам все равно придется распрощаться.

– Не робей! – со смехом подбадривали уже все давно просчитавшие друзья. – С нашей помощью ты еще и до генерала дослужишься!

В этот момент четверка недавних соучеников с подносами комплексных обедов усаживалась за один столик, и девушка с царственной щедростью поощрила Бровера:

– А если ты и дальше будешь оставаться примерным рыцарем, то заслужишь звание генерала самым первым.

– Рад стараться, ваше божественное величие! – Роман уже пришел в себя и вновь превратился в несносного слюнтявого донжуана и дамского угодника. – Только за право поцеловать ваш пальчик я готов сделать карьеру, шагая по окровавленным трупам и отталкивая со своего пути всех конкурентов.

– Даже нас оттолкнешь? – Танти легонько, но весьма многозначительно толкнул друга в плечо, и тот, словно бильярдный шар, натолкнулся с другой стороны на огромный кулачище Гарольда.

– Ха! А чем вы лучше остальных? Тем более что это по вашей вине я оказался здесь и теперь должен рваться в генералы. И дернула меня ржавчина за язык предложить этот спор...

– Какой спор? – ложка в руке у девушки так и замерла на полпути.

– Это он так шутит! – внушительная ладонь Гарольда ласково постучала по спине закашлявшегося Романа. – Да и вообще, могут между нами остаться хоть какие-то мужские тайны?

– Конечно, могут! Это я просто так спросила. – Клеопатра соглашалась легко, сразу, и вообще уходила в сторону от любого спора или обострения. А по ее счастливому и довольному личику легко читалось, что она была на седьмом небе от восторга, что ей удалось наладить нормальные отношения со своими вчерашними соучениками. Хотя, если разобраться до конца, с Романом она и так дружила, с Гарольдом вроде как и не сталкивалась, а вот с Тантоитаном... слегка только конфликтовала.

По крайней мере, именно так подумал после некоторого размышления сам Танти. А потом и осознал, что ему как командиру нести ответственность за их небольшую группу. Невзирая на старшинство в годах обоих друзей, а теперь еще и этой пигалицы (но ведь, ржав-

чина ее подбери, наверняка тоже подтасовала дату своего рождения!), юноша с непоколебимой и удивительной даже для самого себя уверенностью понимал, что окончательные решения для организации и консолидации предстоящих действий придется принимать именно ему. И так подобные отношения больше года превалировали в их маленьком коллективе из трех человек, а теперь ему страшно захотелось, чтобы и Клеопатра как можно скорее избавилась от своей заносчивости и признала единого лидера. Поэтому сразу за столом он решил скоординировать ближайшие действия. Отдавать распоряжения он начал прямо во время еды, первым делом останавливая Романа:

– Куда собрался? Сидеть!

– Так ведь... – прожорливый Заяц, словно уборочный комбайн, первым смолотил свою порцию и собрался бежать за вторым подносом. Такие же действия собирался предпринять и Гарольд, интенсивно дожевывающий булочку и яблоко. – Здесь тоже можно брать по две порции.

– Он и четыре может съесть, – со скорбным видом пожаловался Танти осуждающе на него посматривающей девушке. – А что он такой худой и несчастный, так у конюхов есть хорошая поговорка: «Не в коня корм». – Затем обратился к ребятам: – Через два часа марш-бросок, и поэтому переедание категорически запрещено. Мало того... Гарри! Восьмой! Я к тебе обращаюсь, и не смотри такими голодными глазами в сторону раздаточной! Если тебе мало, вон, возьми мое яблоко...

Еще большее сопереживание проявила в следующее мгновение Клеопатра: она свое яблоко отдала Роману, булочку Гарольду, а упаковку сока молча поставила между ними. Номер двадцать пятый посмотрел на нее с укором, но она ответила таким наивным и доверчивым взглядом, что лидер компании только хмыкнул и продолжил прерванную мысль:

– Мало того, если раньше нам следовало привести в положенное время к финишу только Ро... номер четыреста первый, то теперь мы обязаны взять под свою опеку и номер три тройки.

От такой новости Восьмой чуть не подавился подаренной булочкой, Роман Бровер залился соловьем на тему, как это благородно и возвышенно, а единственная среди них девушка с некоторой обидой заявила:

– Обо мне переживать не стоит. Со своей физической подготовкой я норматив пройду на «отлично».

– Но ведь каждому, в зависимости от его веса, дадут еще и груз для переноса. Часть на пояс и разгрузку, часть в рюкзак.

– Справлюсь и с этим. – Но когда она поняла, что даже выглядящий заморышем Роман смотрит на нее с сомнением, рассмеялась: – Вы не смотрите, что я худощавая и не огромного роста, но если надо, то я любому сдачи дам.

При этом она так многозначительно посмотрела на Гарольда, что тот не выдержал и тоже рассмеялся:

– Да, три трючки, самоуверенности тебе не занимать!

Тантоитан недовольно скривился:

– В данный момент на повестке дня один вопрос: преодоление марш-броска. Бойцовские качества будем показывать на испытаниях. А поэтому, Роман, тебе придется значительно постараться и таки пробежать всю дистанцию самому.

– Смерти моей хотите? Знаете ведь – я не по тем делам.

– Да? – Танти начал злиться и решил сыграть на раболепии товарища перед девочками: – Как же твои утверждения служить даме всеми своими силами, помыслами и устремлениями? Тоже мне рыцарь! Как вырывать обещания сделать его генералом – так мастак, а как помочь даме в переносе тяжестей – то он «не по тем делам»!

– Если бы я мог, – продолжал упорствовать уязвленный Заяц, – то я бы ее сам на руках отнес. Но реалии нашего мира воспитали во мне одну замечательную черту характера: говорить всегда только правду и никогда не хвастаться выдуманными достоинствами. Так что...

– Что ты замечательный – мы знаем давно! Потому и дружим. Что для тебя просто пройти дистанцию марш-броска проблематично – тоже знаем. Потому и помощь рассчитали. Но пора тебе уже и прочие рыцарские достоинства вырабатывать. Поэтому беги, как хочешь, но учти самое главное: мы все четверо обязаны прийти к финишу до истечения максимального срока.

Гарольд в который уже раз за сегодня сжал свой кулачище и многозначительно подставил к носу Романа Бровера:

– И если из-за тебя нас не допустят к следующим экзаменам!..

После чего он еле успел убрать пальцы от щелкнувших зубов, но жалости в свой адрес так и не дождался:

– Ой, Ромочка! – жалостливо запричитала Клеопатра. – Они же тебя точно прямо посреди трассы закопают. Хочешь, я твой рюкзак понесу?

Пока тот соображал, что ему делать, плакать или возмущаться, а Гарольд сдерживал себя от хохота, Танти понял, что надо быстро прекращать любые прения и перепалку и срочно отправляться по своим комнатам для обязательного отдыха. Предпочтительно – короткого сна.

– Значит, так: силы оставьте на испытание. Сейчас всем спать и накапливать энергию. По комнатам!

Оба его друга без единого возражения поднялись и отправились к выходу из столовой. Похоже, Клеопатра в силу своих прежних привычек попыталась воспротивиться подобному распоряжению, но не оставаться же после этого одной за столом? Да и зарождающуюся дружбу не хотелось поддавать новым испытаниям. Все-таки она успела хорошо заметить, как многие девушки с некоторой завистью посматривают в ее сторону. Они-то и между собой еще сдружиться не успели, только присматривались, а эта, ничем вроде не примечательная претендентка уже успела влиться в состав вполне дружной компании.

В итоге этих размышлений недавняя соученица, хоть и покривилась несколько возмущенно, но молча встала и поплелась вперед под строгим взглядом идущего сзади Тантоитана. Да и он мысленно поздравил себя с первой победой: новый член их маленькой компании начинает признавать его лидерство.

Через два с половиной часа после обеда все триста двадцать один человек переминались с ноги на ногу в некоем подобии строя, а прохаживающийся вдоль него капрал – преподаватель по строевой подготовке вещал, проверял, подбадривал, издевался и напугивал:

– Значит, так, дамы и господа. Пока вы еще люди гражданские, и командовать у меня вами не получится никак. Но обрадовать вас могу уже сейчас: самые сильные, ловкие и настойчивые еще наплачутся от моих методов воспитания. И клянусь, что я вышибу из вас эти хамоватые улыбочки! Эти презрительные взгляды вы посмеете изображать только перед зеркалом! А эти угловатые, кривые и горбатые фигуры вы будете вспоминать не иначе как с содроганием. Я сделаю из вас истинных воинов! Истинных бойцов великой Оилтонской империи. Но! Статистика – великая сила, и она никогда не врет. Если судить по ней, то оканчивает наше знаменитое училище и становится доблестным космодесантником лишь чуть более половины тех, кто, вот точно как вы сейчас, готовится для преодоления марш-броска. Поэтому сразу хочу предложить не мучиться, а выйти из строя тем, кто и так ни на что не годен. Он тем самым сэкономит мои силы, сбережет собственное здоровье, и его не проклянут товарищи по оружию. Потому что слабых и дохлых в любом бою гуманнее сразу добить прикладом по затылку, чем волочь потом обгадившихся от страха к ближайшему трибуналу. Лучше уж пусть они сразу вернуться домой есть манную кашку, чем их потом с риском для собственной жизни будут выносить из-под обстрела товарищи по оружию. Да таких...

Он замер на полуслове, с видом высочайшего презрения уставившись на скрюченную фигуру Романа Бровера, который пошатывался под тяжестью рюкзака и разгрузки. Затем с хмыканьем посмотрел по сторонам, как бы призывая в свидетели остальных кандидатов, а тон его стал источать столько ядовитого ехидства, что большинство поежилось от нехороших предчувствий:

– И кто здесь у нас заблудился? Ой! И номер есть?! Надо же: четыреста первый! Давненько мне такие «первачи» не попадались! – капрал наткнулся на полностью безразличный взгляд Бровера и, словно ища поддержки, обратился к самому огромному кандидату, который стоял рядом: – Номер восемь!

– Так точно, господин капрал! – четко ответил Гарольд.

– Хочешь служить рядом с таким хлюпиком?

– Так точно!

– Я в том смысле: согласишься ли ты выносить его с поля боя?

– Так точно, соглашусь!

– Ты че, не понял?! – стал злиться капрал. – Тебя спрашиваю: разве достойны такие доходяги стоять в строю рядом с подобными тебе орлами?

И опять получил прежний ответ: «Так точно!» Теперь уже и на Гарольда он посмотрел как на полного идиота. Воспитать подобных строптивцев за три минуты – никакого педагогического таланта не хватит, но и мысль свою до остальных кандидатов хотелось довести надлежащим образом. Поэтому главный строевик училища стал апеллировать к следующему парню, который хоть и уступал предыдущему служаке в росте и силушке, но выглядел несколько умней:

– Ну а ты, номер двадцать пятый, как считаешь: кто достоин носить высокое звание курсанта нашего училища?

– Любой, господин капрал, кто пройдет испытания и сдаст экзамены! – с непоколебимой уверенностью ответил Тантоитан.

– Ага! Значит, и такого задохлика, как этот, – кивок в сторону стоящего на подгибающихся ногах Бровера, – можно будет называть космодесантником?

– Так точно!

– Э-э? – капрал несколько растерялся. – И какой с него толк при ведении боевых действий?

– Огромный, господин капрал! – стал с энтузиазмом отвечать Тантоитан. – Подобный космодесантник может легко управляться с электронной, сенсорной, радиолокаторной аппаратурой и прочими высокотехническими приспособлениями. Его можно отправить в тыл врага разведчиком, где он взломает любые средства защиты противника и разведает любые планы. С его отличной зрительной памятью он сразу опознает любого шпиона или засекреченного агента...

Двадцать пятый номер мог бы подыскивать занятия для хилого на вид товарища до бесконечности, хотя по расположенным прямо на рубеже старта большим виртуальным часам до начала бега оставалось всего лишь две минуты. Да и капрал быстро догадался, что над ним элементарно пытаются приколоться. Поэтому резким взмахом руки оборвал говорящего и саркастически хмыкнул:

– Восьмой и двадцать пятый! Если вам обоим удастся затесаться в ряды наших курсантов, я вами займусь персонально. Вы еще пожалеете о своих попытках выглядеть слишком умными.

И тут сбоку встряла совершенно не к месту Клеопатра Ланьо:

– А он несколько не умничал. Просто перечислял банальные истины.

– Вот еще мне здесь гражданских правозащитников не хватало! – рявкнул уже окончательно разозленный капрал. – Кто здесь у нас такой наглый, чтобы встревать в разговор без разрешения старшего по званию?

– Номер триста тридцать три, господин капрал! – прозвенел девичий голосок. Он осмотрел ее скептическим взглядом и вынес приговор:

– Не добежит! Но если вдруг такое чудо и случится, то я и о тебе не забуду, три троечки!

Тотчас из динамиков послышалась команда: «На рубежи!» – и более чем три сотни претендентов колышущейся массой продвинулись вперед.

Хорошо видимые виртуальные часы довели отсчет до ноля, рывкнула сирена, и все рванули с места вперед. Бежать следовало не так уж и много, всего пятнадцать километров, но вот лишняя тяжесть на теле могла свалить с ног кого угодно уже на первом отрезке. Следить за кандидатами никто не собирался, бежать следовало только по прямой линии, и каждая разгрузка или рюкзак имели электронные чипы опознания. Окажешься на финише без груза – испытание не прошел. Хотя по тем же причинам и взаимопомощь не просто не исключалась, но даже приветствовалась. Другой вопрос, что никто в здравом уме не станет лишать себя довольно важных баллов: окажешься на финише одним из первых – получишь все десять. Будешь кому-то помогать – рискуешь вообще не уложиться в максимальное время, и «прощай, огурчик!» А если и уложишься с минимальным запасом, то получишь два, а то и вообще всего лишь один балл. Попробуй потом в остальных дисциплинах набери достаточное количество.

Но Гарольд с Тантоитаном давно просчитали свои возможности и верили, что им по силам не только протащить груз, выделенный Роману, но и его пронести на некоторых участках пробега. Другой вопрос, что теперь лидер группы решил еще и вчерашней соученице по интернату оказать посильную помощь, все варианты которой обсудили по пути на рубеж.

На первых сотнях метров подавляющее большинство сразу рвануло вперед, и только более опытные и расчетливые двинулись в нормальном темпе, словно разогреваясь. Почти сразу Танти вскинул на себя забранную у Романа разгрузку и его рюкзак. Самый слабый товарищ после подобного облегчения побежал в спокойном и размеренном темпе. Таким образом они преодолели первую треть дистанции. Причем и Клеопатра оказалась на диво сильной и выносливой. По крайней мере, свой груз она отдавать не собиралась и только отрицающим жестом отвергала все предложения ребят о помощи. А вот на второй трети дистанции темп бега стал спадать. Причем в первую очередь по вине Зайца. Несмотря на все его желание продержаться на собственных ногах как можно дольше, лицо его пошло красными пятнами, дыхалка сбилась, и его стало заносить в стороны. Тотчас вся разгрузка и рюкзак Гарольда перекочевали на размеренно бегущего Тантоитана, и если до этого он умудрился почти не вспотеть, то при огромной массе дополнительного груза сразу покрылся потом.

А Гарольд, немного пробежав небрежными, расслабленными скачками, прямо на ходу подхватил худенького Романа себе на спину и с хорошей скоростью устремился вперед. Отрыв получился таким уверенным, что вскоре парочка пропала за несколькими поворотами вьющейся среди невысокого подлеска тропы. Тогда как Клеопатра все с большим удивлением и уважением присматривалась к пыхтящему от натуги Танти. Мало того, еще двое парней и одна девушка, идущие с ними почти вровень, не могли скрыть своего удивления. Получалось, что на их глазах один из претендентов с двадцать пятым номером волок на себе груз, вчетверо превышающий ему изначально выданный: ведь Гарольду досталось больше всех из-за его внушительного веса. А странный кандидат волок на себе эту общую немыслимую тяжесть, так и не снижая взятого хорошего темпа.

Хотя подобного испытания и врагу не пожелаешь. Пот заливал Танти глаза. В груди начинало печь огнем. В левом боку стало подозрительно покалывать. Мышцы спины заныли, словно в преддверии судороги. Но Танти бежал и почему-то радовался. Причем радовался не за себя лично, а за бегущую рядом с ним девушку. По всем прикидкам, Клеопатра оказалась на несколько порядков сильнее, чем он полагал. Кажется, она и в самом деле раньше не гнушалась совершенствованием своей физической подготовки. При одном взгляде на ее симпатичное личико и горящие внутренним огнем глаза сразу верилось: такая добежит! И груз не

бросит. И от товарищей не отстанет. Мало того, еще и других подбодрит. А уж таких действий от нее вообще никто не ожидал.

За отметкой в полдистанции она вырвалась чуть вперед Тантоитана и условным жестом предложила дать ей хоть мизерную часть груза. Тот, конечно, ничего не отдал, но морально ему стало значительно легче. Чуть позже они нагнали двух идущих пешком кандидатов. Потом еще одного. Затем сразу несколько девушек, идущих растерянной кучкой. Все они, видимо, слишком резво взяли со старта и не выдержали напряжения. По всем расчетам, продолжи они идти пешком, в обозначенный лимит времени никак бы не уложились. Мало того, как оказалось впоследствии, многих несколько смутил вид бегущего Амбала с товарищем на закорках. Без выделенного для обоих обязательного груза он все равно мчался, словно бегущий в набедренной повязке легкоатлет. О странной дружбе этих ребят уже знали, поэтому частично начинали догадываться о сути увиденной картинке. Ну а чуть позже их догнала и вторая двойка.

Вот здесь Клеопатра и показала себя как талантливый организатор и вдохновитель. Вслух она ничего не произносила, берегла дыхание. Зато вырвалась на десяток метров вперед и, начиная обгон шагающих, громко и требовательно хлопала несколько раз в ладоши. А когда на нее оборачивались, резким, гневным жестом указывала на залитого потом Тантоитана. Мол, гляньте, он бежит! А вы?

Как сразу преображались ребята и девушки! Тупая покорность и грустная безысходность сменялась удивлением, потом восторгом, замешанным на надежде, и это приводило в итоге к попыткам быстрее перебирать ногами. словно по мановению волшебной палочки, у потерявших силы кандидатов просыпалось второе дыхание. А когда их обгонял явно перегруженный товарищ по испытанию, уже никто не мог себе позволить бежать медленнее, чем он.

Вот таким образом на отметке в две трети дистанции и образовалась внушительная группа самых пыхтящих, но не желающих сдаваться парней и девушек. К тому моменту, правда, и сам Тантоитан почувствовал приближение некоего предела своей выносливости. Стали появляться панические мысли: «Грохнусь прямо на тропе или помру на финишной черте?.. Хорошо бы все-таки добежать...»

Но когда он увидел широкую спину своего товарища, не смог сдержать короткого, но радостного мычания. Восстанавливающий дыхание Гарольд быстрым шагом преспокойно шел в попутном направлении. Что говорило о том, что у отдохнувшего Романа Бровера вполне может хватить сил лично завершить марш-бросок, и он сейчас ковыляет на полусогнутых где-то впереди. Но самое главное, хоть на короткое время заметно восстановивший собственные силы ноль-ноль-восьмой облегчит тяжелейшую участь живого «грузовика». Что и произошло: вначале одна разгрузка, а потом и два рюкзака перекочевали на его могучие плечи.

Тантоитан в следующие минуты бежал почти вприпрыжку, настолько легким и свободным показалось собственное тело. Но эйфория временного облегчения не помешала заметить недоумение и недопонимание в глазах старого товарища. Да и жестами он с конкретным удивлением указал на пристроившуюся группу «слабачков». Танти в ответ позволил себе с некоторым гримасничаньем улыбнуться и большим пальцем с восторгом указать на бегущую чуть впереди Клеопатру. Та как раз поравнялась с очередной «шагающей» девушкой и отработанной серией хлопков и жестов вдохновила на открытие «второго» дыхания. А когда девушка перешла на бег, Гарольд одобрительно крикнул и впервые за все время знакомства стал посматривать на свою недавнюю соученицу с явным уважением. Ведь при всей своей силе и желании помочь ближайшим друзьям ни он, ни Тантоитан не догадались подобным мизерным поощрением вдохновить отстающих претендентов.

Радоваться передышке получилось недолго. Вскоре показалась спина еле ковыляющего Зайца. Пришлось Амбалу опять хватать его на спину, а все тяжести сваливать на кряхтящего Тантоитана.

Так и двигались: не снижая необходимого темпа, меняясь «балластом» и «притягивая себе на хвост» все увеличивающуюся группу подотставших кандидатов. Ну а когда в пределах видимости показался финишный рубеж и висящие над ним в пространстве виртуальные часы, Гарольд даже умудрился промычать несколько первых тактов из гимна космодесантников. Мычание услышали все и настолько взбодрились, что на последних метрах даже Роман нацепил на себя свою разгрузку и с восторженным хрипом пересек финишную черту. За ним пробежали и все остальные. Причем сделали это не на последней минуте, а на предпоследней, что давало хороший шанс заработать в итоге не просто один, а сразу два, а то и три балла. Количество зависело от окончательной разницы во времени между первым кандидатом, закончившим марш-бросок, и последним.

Но и это было отлично! На глазах у независимых наблюдателей министерства обороны, нескольких офицеров училища и парочки непонятных гражданских лиц пришедшая последней к финишу группа радовалась больше всех: хлопали друг друга по плечам, пытались шутить, знакомиться и даже смеяться. На их фоне нахмуренные, измученные и рассеявшиеся прямо на земле кандидаты, прибежавшие раньше, смотрелись, словно проигравшие.

Когда всех построили в колонну, довольно необычную новость перед отправкой сообщил и один из старших офицеров:

– Удивительно! Но впервые за последние одиннадцать лет все вышедшие на дистанцию марш-броска кандидаты достигли финишного рубежа. Честно говоря, подобная воля к победе нас радует, а вы все по праву заслужили праздничный, усиленный дополнительным десертом ужин. Шагом марш!

Именно с этого дня на первом курсе появилась общепризнанная и всеми уважаемая четверка лидеров. Да и в ней самой командная роль Тантоитана больше никем не оспаривалась. Даже строптивой и своенравной Клеопатрой.

Остальные экзамены и испытания удалось преодолеть без особого труда и потерь, а так как такие понятия, как летние каникулы, для первокурсников училища отсутствовали начисто, то уже с двадцатого июня начались интенсивные занятия, строевая подготовка, физическое усовершенствование, внеурочные подъемы, тревоги и... муштра, муштра и еще раз муштра! Беспросветная, постылая, отупляющая и надоедливая. Но иначе в таком знаменитом, богатом славными боевыми традициями училище и быть не могло. Да и молва гласила: первые шесть месяцев – самые трудные и невыносимые. А потом курсанты привыкают, проходят первую боевую практику и становятся космодесантниками.

Глава 8

3588 год, 20 декабря, Оилтон, училище

Нельзя сказать, что в жизни четверых друзей не было за минувшие полгода ни единого светлого пятна. Скорей наоборот, даже в экстренных и тяжелейших ситуациях они умудрялись не только друг друга подбадривать, но и остальных товарищей по оружию не забывать. Большинство курсантов по этой причине непроизвольно тянулись к дружной компании, а частенько и сознательно старались держаться поблизости ради ценной подсказки или своевременного совета. Не меньшее значение имело и умение четверки друзей пошутить. Причем каждый из них умудрялся хохмить в особой, присущей только ему манере.

Роман Бровер под четыреста первым номером делал это в виде стенаний, проклятий на свою несчастную долю и высмеивания собственных недостатков. Но стенания у него получались уморительно оптимистическими. Например: «Сегодня опять при отжиманиях наелся песка, потому что грудь от земли оторвать так и не смог...» Или: «Из-за страха опоздать в столовую пришлось все задачки решить быстрее всех...» А вот умение подмечать все мельчайшие детали в одежде и выражениях лиц превращало его реплики про нелюбимых командиров в едкую сатиру: «Смотрите, у нашего капрала не застегнута одна пуговка! Видимо, после утреннего нагоняя у майора ему еще и пинком вслед наподдали...»

Гарольд, помимо всемерного признания мускульной силы, у всех сослуживцев быстро получил славу прекрасного рассказчика. Мог в момент небольшого отдыха или привала выдать для окружающих его товарищей довольно интересную и почти всегда веселую историю. Благо, личных воспоминаний из богатой приключениями юности у него хватало с избытком. Да и чужие рассказы он никогда не забывал, подавая их слушателям в своей литературной огранке и чаще всего с интерпретированным по-своему окончанием.

Тантоитан тоже слыл большим выдумщиком и фантазером. Особенно при переименовании всем хорошо известных пословиц, поговорок и банальных сентенций. Именно после его недовольного бормотания: «Курица не птица, капрал – не человек!», – за самым главным командиром по строевой и общевоинской подготовке закрепилось прозвище Птица. Прозвище приклеилось намертво еще и по той причине, что невзлюбивший четверку с самого первого дня капрал обожал использовать в своем лексиконе такие обращения, как «орлы», «глухарь», «дятел», «коршун», «сова» и «тупоголовка». Так что обобщающая кличка любителю и поборнику орнитологии подошла как нельзя кстати. Понятно, что недовольный вояка со временем узнал, кто ему так «удружил», и от этого его антипатия и желание хоть как-то насолить дружной компашке только усилились.

Ну а Клеопатра, которая свое имя так и не поменяла, со своим номером в три тройки служила в маленьком коллективе одновременно и камнем преткновения, и яблоком раздора, и символом единения. Многие курсанты твердо верили, что девушка приходится родной сестрой если не всем троим ребятам, то уж двоим или одному точно – настолько ее защищали, и настолько она по-хозяйски пыталась порой помыкать не только Романом Бровером, но и Гарольдом. А в некоторых случаях и самим Тантоитаном Парадорским. Но если первый принимал это с радостью и выражением рабской покорности, то второй постоянно возражал и перебрасывался с девушкой беззлыми ругательствами. Хотя тоже не отказывался помочь. А третий – так вообще сразу вступал в веселую пикировку и в итоге добивался того, что попытки его как-то использовать оборачивались для самой Клеопатры излишними тревожностями. В крайнем случае, выдуманное девушкой задание или просьба помочь исполнялась другими «желающими». Танти делал всегда только то, что сам считал нужным или что требовалось для выпол-

нения заданий командиров. И ругался он со своей соученицей по интернату скорей лишь для собственного и обоюдного удовольствия и желания повеселить товарищей.

Постепенно преобразовывались и внутренние отношения между курсантами двадцать восемь и триста тридцать три. Они незаметно углублялись в чувствах, хотя ни он, ни она ни за что бы ни признались в этом кому-то из посторонних. Да что там говорить о посторонних, если они для самих себя придумывали просто глупые отговорки, когда вдруг начинали переживать, волноваться или скучать друг о дружке. Типа: «Мы ведь друзья и в любую минуту должны знать, кто и где находится, чтобы помочь в случае необходимости». Порой занятия или другие обстоятельства их разводили в разные стороны на сутки, а то и на более продолжительное время, и они начинали нервничать, становились раздражительными и нетерпеливыми и подспудно стремились друг к другу. А отыскав, сразу обменивались фразами в привычно ироничном стиле:

– Тебе еще не надоело бегать по полигону с автоматом? – хмыкая, вопрошал Танти, внимательно осматривая ладную фигурку девушки и облегченно вздыхая, если не замечал новых синяков и царапин.

– Ха! Зато я теперь могу полрощка всадить в десятку! – хвасталась Клеопатра и с каким-то странным сопереживанием всматривалась в свежую ссадину на щеке парня: – А тебя все побить пытаются или уже побили?

– Пусть только кто-нибудь попробует!

Порой и нескольких слов им хватало, чтобы успокоиться. Да и на большее сопереживание порой ни сил, ни времени не оставалось. Хорошо если после этого отправлялись выспаться несколько часов в своих комнатах, а то частенько приходилось вновь разбегаться на занятия или тренировки. Но, видя после таких встреч Тантоитана с довольной, несколько отстраненной улыбкой на губах, Роман завистливо вздыхал, а Гарольд саркастически хмыкал. Друзья в таком случае и без лишнего вопроса знали: с Клеопатрой все в порядке.

Зато когда проходили совместные отработки, занятия или учения, все четверо друзей находились рядом и старались прикрывать друг друга от любых неприятностей или нападков недоброжелателей. В боевом строю Тантоитан всегда старался держать Клеопатру за левым плечом, хотя она с присущей ей наглостью и самоуверенностью всегда стремилась вырваться вперед. Еще чуть левее, на одном уровне с девушкой, располагался Гарольд, ну а за правым плечом лидера старался не отставать от него несколько окрепший и набравший мускульной массы Роман Бровер. По крайней мере, так приятели выстраивались в первое полугодие.

За эти шесть месяцев Заяц, пожалуй, сделал самый огромный скачок в своем физическом совершенстве. Конечно, он, как и прежде, смотрелся рядом с Гарри натуральным задохликом, да и против такого бойца, как Танти, выглядел мелковато. Но зато теперь он мог не только шутить, решать теоретические задачки и тусоваться в виртуальном инете, а и бегать, отжиматься, подтягиваться и вполне сносно передвигаться в бронированном скафандре с соответствующим его весу и комплекции вооружением. Любой из командиров понимал, что настоящего боевого штурмовика из четыреста первого никак не получится, но вот за ум, уникальную память, наблюдательность и сообразительность Романа с каждым месяцем начинали уважать все больше и больше. И только лишь капрал Птица продолжал безапелляционно утверждать, что «подобным гадким утятам не место в космодесанте!».

Как бы там ни было, но, самое слабое звено в компании, Заяц постепенно привык к своему новому статусу и только на словах продолжал стонать и проклинать невероятные тяготы собственной службы среди «людей с грецким орехом в голове вместо мозга». Себя он также при этом не жаловал: «Мой мозг тоже ссыхается до нужного для каждого военного интеллекта. Боюсь, что процесс стал необратим...»

Правда друзья не ленились польстить ему и утверждали, что частые встряски и падения, наоборот, пошли Зайцу на пользу: «Теперь скорлупа твоего ореха лопнула, и твой мозг получил простор для развития. Молоток! Так держать!»

День двадцатого декабря в училище объявили свободным от занятий, учебных тревог и тренировок. Накануне курс удачно сдал воинские зачеты за полгода, а назавтра все три сотни курсантов первого года обучения собирались отправиться на Хаитан, довольно сложную и суровую во всех отношениях планету, где проходили первые две практики многочисленные поколения космодесантников. Но сегодня о практике никто не вспоминал: увольнительная для всех и на весь день дается лишь по значительным праздникам, ну и по таким случаям, как нынешний. И на такой день, как правило, у любого курсанта имелись самые грандиозные планы и задумки.

Друзья не стали исключением и уже без четверти десять утра влились в водоворот своих сослуживцев возле КПП училища. Парадная форма, предвкушающие улыбки и шумные разговоры – чем не преддверие для настоящего праздника. Лишь троица с некоторым раздражением нет, нет, да и обращала свои взгляды в сторону женской казармы. Никто из них не мог пожаловаться на непунктуальность Клеопатры, но ведь договаривались собраться возле ворот заблаговременно.

– Или для нее подобное обозначает одну минуту? – пожимал своими плечищами Гарольд. А Рома, как всегда, защищал единственную девушку из их компании:

– Чего ты ворчишь? Или забыл: прекрасные дамы тем и отличаются от нас, что имеют право опаздывать. А кавалеры обязаны их смиренно дожидаться.

– Так то кавалеры! – фыркнул Гарри. – И только в случае с «прекрасными». А тут... – сообразив, что не совсем деликатно высказался о своей приятельнице, он апеллировал к угрюмо смотрящему на него Тантоитану: – Верно говорю? Опаздывать военным людям никак нельзя!

– Пока никто не опоздал, – многозначительно проворчал друг детства. – И с чего это ты взял, что наша Клеопатра не подходит под категорию прекрасных дам?

Гарольд вместо ответа закатил глаза и демонстративно отвернулся в сторону. Но Роман Бровер молчать не стал:

– Разве напичканный лишь одними мускулами человек может посмотреть на девушку иначе, чем на боевую единицу? Да у него воображения не хватит отнести к ней с восторгом, осознать ее красоту и божественность...

– Хватит заливать! – оборвал его резко Гарри. – Озабоченный ты наш...

– Нисколько я не озабоченный. Просто я умею воспринимать сердцем, а ты так никогда влечения к девушке и не испытываешь. Так и останешься бесчувственным чурбаном.

– Да-а, придется твою парадную форму помнить. – Внушительный кулачище потянулся к хищно свисающему носу. Вот только его обладатель уже давно не боялся «добряка Гарри».

– Только попробуй начать неуставные отношения! Сразу крикну, потом напишу рапорт, а потом тебя из космодесанта переведут в уборщики космических свалок. Ха-ха-ха!

– Жаль... Как ты там, Танти, говаривал? «Мог бы еще жить, если бы рот только для дыхания открывал!»

Амбал попытался сграбастать бросившегося в сторону Зайца, затеялась веселая возня, которую прервал строгим голосом Тантоитан:

– Да уймитесь вы, наконец! Уже идет, и не одна.

Друзья сразу замерли, присматриваясь:

– О! Кто такая? И чего ей от нас надо? – насупился Гарольд.

– Да ведь эта красотка со второго курса! – стал слглатывать обильные слюнки все помнящий Роман. – Жаль, что имени не знаю. Вот бы ее с нами в город пригласить.

– Вот и пригласи.

– Я бы с радостью, но разве она согласится?

Роман при всей своей мечтательности и романтичности прекрасно понимал, что такие, как он, не считаются покорителями женских сердец. Тогда как Гарольда, например, уже неоднократно пытались познакомить с курсантами женского пола, в том числе и Клеопатра. Скорей всего и сейчас она ведет эту девушку для знакомства с самым импозантным и внушительным парнем из их компании.

Девушки при ближайшем рассмотрении оказались просто обворожительны. Парадная форма смотрелась на их точеных фигурках, словно специально сшитая у лучших модельеров. Но самые большие преобразования произошли на личиках. Возможно, курсантки впервые воспользовались косметикой, но сделали это настолько эффектно, что теперь на них оборачивалось большинство сослуживцев. Тогда как Клеопатра самым пристальным образом следила только за реакцией Тантоитана. И осталась полностью удовлетворена произведенным впечатлением: на какое-то короткое время лидер их компании потерял показное величественное хладнокровие, расчетливую невозмутимость и просто поплыл от удовольствия созерцания.

– Привет, ребята, – пряча самодовольную улыбку, воскликнула она. – Думала, мы самые первые придем, а вы здесь уже топчетесь.

Гарольд ткнул большим пальцем себе за спину, на большие часы над КПП:

– Чуть не опоздала, только четыре минуты осталось. Могла бы и раньше заявиться.

– Вот, хочу вам представить мою новую подругу, – не обращая ни малейшего внимания на слова Амбала, продолжила Клеопатра. – Ее зовут Магдалена, и это та самая девушка, с которой мы уже целую неделю живем в одной комнате.

Казармы в училище лишь назывались таким древним словом. На самом деле они состояли из отдельных, полностью автономных апартаментов на двух, трех или четырех человек. Никакого насильственного расселения не существовало, и курсанты сами выбирали, с кем им жить. Хотя девушки жили лишь по двое и могли выбирать соседку независимо от года обучения. За эти полгода Клеопатра поменяла несколько раз и комнату и соседок, что приятелей довольно сильно удивляло: ведь на виду у всех девушка вела себя ровно и приветливо со всеми без исключения. А вот в быту у нее, видимо, не все складывалось благоприятно. Хотелось верить, что новая соседка окажется более уживчивой.

Выглядела Магдалена довольно строгой, даже несколько надменной. Несколько более плотно, чем Клеопатра, телосложения, с короткими черными волосами и пронзительным, все замечающим взглядом. Гарольд таких никогда не привечал и сразу скорчил скучающую физиономию пресыщенного ласками ловеласа. И когда их познакомили, лишь небрежно кивнул головой. Зато неожиданно быстро вышел из своего всегдашнего ступора Роман Бровер. Преобразившись, словно ему вот-вот вручат награду в императорском дворце, он сделал короткий шаг навстречу, обозначил полупоклон и с отчаянной решимостью проговорил:

– Магдалена! Вы самая прекрасная девушка не только в нашем училище, но и во всей Оилтонской империи. И я безмерно счастлив, что наконец-то нас представили друг другу. Ну и сразу хочу вам предложить вместе с нашей компанией провести этот увольнительный день. У нас намечена замечательная развлекательная программа, и вы несколько не пожалеете.

– Ну, если не пожалею... – Магдалена скользнула разочарованным взглядом по Гарольду, оценивающим по Тантоитану и вопросительно-нерешительным по Клеопатре и только потом продолжила: – ...то можно и развлечься.

– Тогда прошу следовать со мной! – несмотря на свою отличительную нескладность, Роман ловко втиснулся между двух девушек, подхватил их под локотки и галантно повел в сторону ворот. – Между прочим, вот и Клеопатра не даст соврать, почти все пункты сегодняшней развлекательной программы составлены лично мною. Так что если есть какие-нибудь вопросы или дополнения, готов выслушать немедленно.

Магдалена с ходу включалась в обмен мнениями и вопросами, Клеопатра и Роман ей со смехом отвечали, и вся компания двинулась в сторону ворот, которые как раз стали открываться. Гарольд подтолкнул о чем-то задумавшегося товарища:

– Нет, ты только глянь: наш Заяц решил заделаться отчаянным бабником. Причем нет чтобы одну только под локоток хватать, так сразу всех заграбастать пытается.

Сдвинувшийся с места Тантоитан поймал молниеносный взгляд Клеопатры, загадочно улыбнулся и возразил:

– Ну, две красавицы сразу – такое даже для нашего донжуана Бровера не прокатит. Пусть хоть с одной справится. Тем более что вторая уже давно занята.

– Да ты что?! – с вытаращенными глазами стал дурачиться Гарри. – Неужели нашей старой приятельницей хоть кто-то заинтересовался?! Вот уж никогда бы не подумал.

– Получишь в дыню – сразу думать начнешь! – пообещал Танти. – Мне кажется, сегодня что-то должно решиться...

– Ха! Ему только кажется то, что уже давно даже всем слепым известно, – зафыркал его старый друг. – Сам-то хоть иногда думалку включаешь?

Очередная колкость так и не долетела до его ушей, потому что приятели влились в гомонящую толпу остальных курсантов.

Этот день – двадцатое декабря – стал знаменательным для четверых людей по двум причинам: Тантоитан Парадорский впервые поцеловался со своей любимой девушкой, а Роман Бровер познакомился со своей будущей женой Магдаленой. Ну а Гарольд, хоть и пытался впоследствии в сотнях вариантах живописать этот день в своих рассказах, каждый раз у него все получалось по-разному. Неизменным оставалось только одно: искренняя радость за самых близких друзей, масса веселых развлекательных моментов и легкая философская зависть.

Глава 9

3588 год, 21 декабря, Хаитан, практика

На следующий день после знаменательного увольнения два боевых десантных корабля доставили курсантов первого года обучения на планету Хаитан – место во всех смыслах загадочное, величественное, уникальное, перспективное по многим направлениям науки, но в то же время весьма опасное для жизни. Отыскали этот объект большого космоса около сорока лет назад в системе затухающей звезды Спиилтс на самой дальней окраине Оилтонской империи, и первоначально туда ринулись целые толпы как исследователей и ученых, так и искателей приключений самых разных мастей, толков и направлений. А все потому, что в переводе с древнего языка название означало «сокровищница царей».

На самом деле Хаитан после первого близкого знакомства преобразовывался в некое галактическое подобие головки сыра с дырками, которую засунули в мышеловку в ожидании любопытных мышек: много, красиво, таинственно, вкусно, но жутко опасно!

Планета относилась к классу пустотелых, диаметром была в два и шесть десятых раза больше среднестатистического размера и силой тяжести на две десятых больше стандартной. Само собой разумеется, что все стандарты, среднее время, летосчисление и прочие среднестатистические данные в империи, как и во всей Галактике, соответствовали нормативам Земли, той самой планеты-прародительницы, которая в двадцать втором и двадцать третьем веках объединила большинство разумных обитателей Галактики в единый союз. Расплавленного и тяжелого ядра у Хаитана не было, и скорей всего до самого центра можно было добраться по тем самым «дырочкам в сыре», которые пронзали планету насквозь во всех направлениях. Немыслимые по величине, форме и протяженности разломы; замысловатые, украшенные разноцветными сталагмитами и сталактитами пещеры; запутанные лабиринты проходов; вертикальные тоннели, скорей напоминающие пропасти, – все это в совокупности напоминало рай для спелеологов и вполне соответствовало убеждениям искателей приключений, что именно в таком месте следует прятать самые ценные и уникальные сокровища. Может, там и в самом деле какая-то древняя цивилизация в исторически необозримые времена что-то и припрятала, почему бы и нет. Но до сих пор в недрах не отыскали даже ломаного медяка. Не говоря уже о полном отсутствии ценных ископаемых, годных для промышленной добычи. А вот человеческих жизней на Хаитане оборвалось невероятное количество. Особенно в первые годы после открытия планеты.

И виной всему стали обитающие там монстры как животного, так и растительного происхождения. Причем такого разнообразия агрессивных и по большей части хищных форм флоры и фауны не находили еще ни разу в истории Оилтонской империи. Да и в остальной Галактике подобные объекты можно было сосчитать на пальцах. Так что биологи и зоологи вкупе со спелеологами потянулись вначале на Хаитан рядами и колоннами. Тем более что состав атмосферы позволял там находиться без автономных дыхательных приспособлений, питьевая вода не обладала смертельными метаболизмами, а от малочисленных смертельно опасных вирусов и микробов успешно спасала парочка комплексных прививок.

Больше всего романтического дурмана и мечтательного угара напустили первые попавшие в большой мир документальные кадры: в нереальном многоцветном освещении растительного происхождения, среди нереально, но сказочно перекрученных скалистых образований вперед идут закованные в космическую броню рыцари и меткими выстрелами уничтожают бросающуюся на них со всех сторон агрессивную живность. Феерическое зрелище! Мечта любого охотника и искателя приключений. Да и вообще истинного воина. Но только единицы вначале

знали, что, как правило, и снимающие подобные фильмы люди не возвращались на поверхность. Так все и гибли при обследовании подземного пространства Хаитана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.